

**ПРОГРЕСС И ПОЛИТИКА:
СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ АПОРИИ
И ДИЛЕММЫ**

В. А. Гуторов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В статье рассматриваются основные аспекты современных интерпретаций понятия и теории прогресса и их влияния на эволюцию политических теорий и идеологических дискурсов. Идея прогресса в последние десятилетия постоянно ставится под сомнение. Сформировавшись в эпоху модерна, концепция прогресса стала существенным свойством исторического процесса и его господствующих тенденций. Само понятие прогресса предполагает момент его ценностного восприятия. К концу XX в. различия в оценках прогресса достигли своего апогея вследствие возникшего ощущения противоположности альтернатив, содержащихся в историческом развитии. Неопределенность нашей эпохи находит свое отражение и на уровне социальной и политической теории в сложном диалоге философов и ученых, порожденном оптимистическими и пессимистическими восприятиями прогресса. Диагноз «кризис легитимации», поставленный Юргеном Хабермасом, и его прогноз относительно возможности реконструировать коммуникативное действие на уровне рациональности, вероятно, являются примером наиболее изощренного синтеза теории кризиса и делиберативной демократии. Однако не менее важное значение имеет иная культурная особенность прогресса, благодаря которой способность людей к совершенствованию придает ему характерное свойство «темпорального компенсаторного концепта» (Р. Козеллек). Тем самым идея прогресса приобретает черты защитного консервативного фактора современной цивилизации, что постоянно фиксируется в современной политической теории (М. Фриден) и философии науки (К. Поппер).

Ключевые слова: прогресс, политика, история, социальная теория, наука, философия, историческое развитие, модернизация, политическое изменение, технология, коммуникация, социальное действие.

Прогресс сам по себе не может прерваться, во имя чего он был запущен. Или, другими словами, планирование прогресса никогда не может придерживаться того направления, на котором «прогресс сам по себе» осуществляется через головы тех, кто в него вовлечен.

Райнхарт Козеллек

Как только прогресс вступает в мир политики, извергаемые им злоключения гражданской войны определенно являются большими, чем те виды зла, которые он надеялся искоренить.

Райнхарт Козеллек

С моей прагматистской точки зрения, интеллектуальный прогресс — это подразделение морального прогресса, это прогресс в нахождении верований, которые являются все лучшими и лучшими инструментами реализации наших общественных проектов. Один из этих проектов состоит в том, чтобы заменить злопамятство — доброй волей, а власть — демократией.

Ричард Рорти

Вторая половина XX в. отмечена поразительными перепадами общественного сознания. Победа над фашизмом, вызвавшая всеобщую эйфорию, породила надежду на окончание идеологической и политической конфронтации капитализма и социализма. Но с началом холодной войны эсхатологические ожидания довольно быстро трансформировались в уже давно ставшие традиционными шпенглеровские предчувствия «заката Европы» и всей западной цивилизации. Характер, тональность, векторная направленность и временная последовательность интеллектуальных трансформаций такого рода постоянно варьировались и нередко определялись чисто индивидуальными изменениями настроений и предпочтений того или иного теоретика. Например, Питирим Сорокин, который в 1941 г. утверждал в работе «Кризис нашей эпохи», что «процветание и благосостояние становятся во многих странах только достоянием памяти, свобода — только мифом; западная культура покрывается мраком» и «гигантский торнадо пронесется над всем человечеством», окончательно сметая всякие надежды на «однолинейный прогресс» (Sorokin, 1992, p. 14–15), уже в 1944 г., накануне победы во Второй мировой войне, выдвинул в книге «Россия и Соединенные Штаты» крайне оптимистичный прогноз, в соответствии с которым «американский капитализм и русский коммунизм в настоящее время являются не более чем призраками своего недавнего прошлого», постепенно превращаясь в «общество интегрального типа» (см.: Sorokin, 2017). В 1950-е годы П. Сорокин с энтузиазмом оценивал прогрессивный характер и перспективы развернувшейся в США «сексуальной революции». «Несмотря на свою необычную характеристику, — отмечал он, — сексуальная революция является столь же важной, как и наиболее драматический политический и экономический переворот. Она изменяет жизни мужчин и женщин более радикально, чем любая другая революция нашего времени» (Sorokin, 1956, p. 3–4). Развивая эту идею, Сорокин в дальнейшем, вполне в духе Эмпедокла, рисовал утопическую красочную перспективу моральной трансформации человечества, в основе которой лежит «универсальное всемогущество любви» (Sorokin, 1982; см. также: Sorokin, 1970, p. 417–419).

Подобные экзотические квазирелигиозные моменты анализа глобальных тенденций современности в социологической литературе того времени, конечно, не были случайными. Как справедливо отмечал Стив Фуллер, «главное устремление социологии — и социальных наук в целом — состояло в том, чтобы всецело способствовать реализации обещания Просвещения XVIII века

“создать рай на земле”». В чисто научном плане это устремление выразилось «в систематической секуляризации и обнаучивании (scientization) монотеизма, способствовавших усилению привилегированного положения человеческих существ, сотворенных по образу и подобию Бога» (Fuller, 2006, p. 1). Такому пониманию социальными науками на Западе собственной миссии (в предельно идеологизированных общественных науках в советской России, а в послевоенный период и в странах «народной демократии» коммунистическая утопия «земного рая» была исходной точкой практически любого теоретизирования) помогало и то обстоятельство, что после Второй мировой войны возникла тенденция к формированию структур «государства всеобщего благоденствия», которая способствовала «установлению равновесия между капиталистическими и социалистическими эксцессами даже среди таких наций, как Великобритания и США, отличавшихся сильными либертарианскими традициями» (Fuller, 2006, p. 3). Как непосредственное следствие этих процессов постепенно формировалось убеждение относительно того, что между идеологиями социалистического типа и идеологическими направлениями, ориентированными на поддержку традиционных капиталистических структур, не существует непроходимой пропасти. Именно это убеждение стало одной из основ концепции «деидеологизации».

О том, что в западных обществах со второй половины XX в. сформировался достаточно высокий уровень идейно-политического консенсуса, в равной степени свидетельствовали и западноевропейский, и североамериканский опыт. Ограничиваясь защитой лишь наиболее общих ценностей западной цивилизации и не затрагивая ни глубинных основ мировоззрения, ни даже политических предпочтений, этот консенсус являлся вполне достаточным основанием для формирования многообразных идеологических гибридов. В 1960–1970-е годы многие даже консервативно настроенные американские политологи были склонны с полным вниманием относиться к перспективе слияния преимуществ рыночной экономики с теорией и практикой западноевропейской социал-демократии. Например, С. М. Липсет — один из видных консервативных теоретиков и ученый, пользовавшийся большой популярностью в академических кругах вследствие своих бесспорных заслуг перед политической наукой, анализируя проблему «конца идеологии» и предвещая в 1963 г. в работе «Революция и контрреволюция» наступление нового периода идеологической интеграции, в частности, отмечал: «Классовые конфликты по вопросам, связанным с разделом всего экономического пирога, влиянием на различные институты, символический статус и возможности... продолжают и при отсутствии *Weltanschauungen*, но и... упадок таких тотальных идеологий не означает конца идеологии. Точнее, приверженность политике прагматизма, правилам игры, определяющим коллективное соглашение, постепенным изменениям в направлении, поддерживаемом левыми или правыми, оппозиция как всеобъемлющему централизованному государству, так и *laissez-faire*, являются составными частями идеологии. “Примирение фундаментальных принципов”, идеологический консенсус западного общества в настоящее время постепенно приводит к взаимопроникновению позиций по вопросам, которые когда-то резко отделяли

“левых” от “правых”. Это идеологическое соглашение, которое, возможно, лучше всего назвать “консервативным социализмом”, стало идеологией ведущих партий в развитых государствах Европы и Америки» (Lipset, 1981, p. 555).

О прочности такого рода взглядов, уходящих корнями в традицию либеральной политической философии Д. С. Милля, свидетельствует и тот факт, что даже после того, как в американской политике с конца 1970-х годов верх уже взяла неоконсервативная тенденция, один из ее главных выразителей — М. Новак (ставший сотрудником госдепартамента в администрации Р. Рейгана) вполне сочувственно комментировал выводы М. Харрингтона (политического теоретика-социалиста, автора самого термина «неоконсерватизм»), согласно которым «многие из духовных реальностей, претендовавшие на то, чтобы носить имя “социализм”, были реализованы под другим именем, именем “Америка”» (Novak, 1991, p. 139; ср.: Harrington, 1972, p. 118). В книге «Сумерки капитализма» М. Харрингтон, в частности, очень рельефно выделил одну из наиболее характерных особенностей восприятия самой идеи капитализма теоретиками послевоенного времени: «...Капитализм, — отмечал он, — обладает исключительной приспособляемостью, он совместим с самым широкомасштабным, даже тоталитарным, планированием» (Harrington, 1977, p. 219). В этом плане теория «постиндустриального общества» Д. Белла, равно как и концепция «государства всеобщего благоденствия», являются, по мысли Харрингтона, «в сущности, обобщением кейнсианского опыта» (Harrington, 1977, p. 219). Эту же идею «кейнсианского следа» в экономиках капиталистического и социалистического типа постоянно развивал в своих работах и Роберт Низбет. «Замечательный комментарий к истории современного социализма, — отмечал он, — состоит в том, что почти все современные технологии, используемые в современном национальном планировании — будь то Англия, США или же Советская Россия, — являются в основном продуктами капиталистических наций военного времени... Мы должны иметь государство, использующее планирование в той или иной степени. Альтернативой в экономической, военной и политической сферах общества, которые мы сформировали, будет просто хаос» (Nisbet, 1970, p. 68–69).

Наиболее всеобъемлющую характеристику исходных предпосылок, определяющих прогрессивный характер такого рода эволюции, неизбежно выдвигавшей на передний план тенденцию к усилению планирования и государственного регулирования в экономической и социальной сферах, давал в своих работах 1960-х годов французский социолог Жак Эллюль, так же, как и С. М. Липсет, Р. Низбет и М. Харрингтон, разделявший многие аспекты консервативной традиции. «Я готов признать, — утверждал он в книге “Технологическое общество”, — что в идеальном обществе связь между планом и государством не является необходимой, равно как и то, что необходимость в наказаниях исчезает в том случае, когда индивид существует сам по себе. Но это не заставляет меня верить в такой идеал и принимать его в качестве реальности. Фактически я только отмечаю, что техника знания порождает и делает необходимой технику действия, а техника действия предполагает определенные условия и направления развития в соответствии с истинным законом, который может быть

назван законом расширения планирования. Такое расширение планирования не обязательно приводит к социалистическому обществу. Частная собственность на средства производства не нуждается в изменении, чтобы иметь плановую экономику. Равным образом планирование не порождает с необходимостью диктаторское государство. Использование санкций и пропаганда могут быть приспособлены к иным формам, чем диктатуры. Но когда техника вторгается в определенную область в связи с планированием, то она полностью воздействует на всю структуру ее управления. Бесполезно устанавливать для нее пределы или искать какие-либо другие процедурные формы... Представляется, что сегодня мы не можем избегать фактов. И факты направляют нас в сторону плановой экономики, независимо от наших теоретических суждений по данной проблеме. Часто также ставится вопрос — возможно ли, после долгих периодов плановой экономики, повернуть эту тенденцию в противоположном направлении. Но это уже другая проблема» (Ellul, 1964, p. 183–184).

Концепции «технологического» и «постиндустриального» общества неизбежно создавали в перспективе весьма своеобразную идеологическую и философскую основу для реабилитации марксизма и его основоположника. М. Харрингтон далеко не случайно дал одной из глав своей книги «Сумерки капитализма» следующее, весьма афористичное название — «Марксизм недопонимает самого себя» (Harrington, 1977, p. 35 sq.). Сформулированный Харрингтоном афоризм на все последующие десятилетия стал постоянной основой для бесчисленных комментариев, авторы которых так или иначе пытались разьяснить смысл этого «недопонимания». Так, например, американский философ и социолог Грегори Эллиотт, автор многочисленных работ, посвященных неомарксистской традиции в современной общественной мысли, следующим образом комментировал очередное возрождение интереса к теории социального прогресса К. Маркса в связи с широкомасштабным празднованием 150-летия «Коммунистического манифеста»: «Согласно Эрику Хобсбауму, автору введения к переизданию текста [“Манифеста”] в 1998 г., в нем представлена “выразительная характеристика капитализма конца двадцатого века”. Это суждение разделял и Гарет Стедман Джонс, полагающий, что в *Манифесте* содержится “краткое, но до сих пор непревзойденное описание современного капитализма”. Но, наделенный уникальным даром предвидения в отношении капитализма, Маркс, и это мнение в некотором плане разделяют все без исключения, весьма странно ошибался относительно коммунизма. Если первый — это реальность, то когда же наступает последний? Одно единственное послание, которое безошибочно проступает в тексте, заключается в следующем: коммунизм является неотъемлемым свойством капитализма. Далее отстаивание современности *Коммунистического манифеста* путем его переформулирования как не-манифеста без коммунизма может рассматриваться как первый пример, содержащий слабое или, если угодно, неискреннее порицание» (Elliott, 2008, p. 1–2). На наш взгляд, данная формула Эллиотта представляется одним из лучших методологических и историософских оснований теории «деидеологизации» и, в определенном плане, проливает свет на то важное обстоятельство, что большинство новейших попыток полемики с наследием Маркса

основаны на «органическом соединении» идеологических конструкторов с критикой различных версий прогресса.

Типичным примером данной тенденции является насквозь политизированная версия «академической эсхатологии», представленная в книге Ф. Фукуямы «Конец истории» (1992). Свою известную формулу — либеральная демократия может составлять «конечный пункт идеологической эволюции» и «финальную форму человеческого правления», тем самым обозначая «конец истории» (Fukuyama, 1992, p. XI) — он противопоставлял фундаментальному «историческому пессимизму» XX в., одной из главных причин которого стал трагический опыт практической реализации марксистской теории. «Использовать идею “Истории” Маркса для того, чтобы оправдать террор в Советском Союзе, Китае и других коммунистических странах, — отмечает Фукуяма, — означает придавать этому слову особенно мрачное сопутствующее значение. Представление о том, что история является однонаправленной, имеющей значение, прогрессивной или даже поддающейся пониманию, оказалось чуждым для многих направлений мысли нашего времени» (Fukuyama, 1992, p. 69). Однако, по мнению многих современных философов и политических теоретиков, подобная аргументация, конечно, никак не могла выглядеть решающим доводом в пользу идеи «конца истории», как полагал сам Фукуяма. Так, комментируя эссе «Конец истории?», опубликованное Фукуямой в журнале «The National Interest» за три года до выхода в свет его одноименной книги, Аллан Блум, на наш взгляд, вполне резонно выразил сомнение по поводу излишнего оптимизма относительно перспектив торжества либеральной демократии в мировом масштабе: «...Либерализм победил, но он может оказаться совершенно неудовлетворительным. Коммунизм был безумным продолжением либерального рационализма и каждый мог видеть, что он в равной степени неработоспособен и нежелателен. И хотя фашизм был разбит на поле сражения, его мрачные возможности не просматривались до конца. Если начать изыскивать альтернативу, то нет смысла искать ее в каком-либо другом месте. Я бы предположил, что фашизм имеет будущее, если он уже не является будущим. Многие, о чем говорит Фукуяма, указывают на это направление. Факты также об этом свидетельствуют. Африканские и ближневосточные народы, которым по некоторым причинам не дается модернизация, охвачены искушением обрести значимость и самоутвердиться в различных версиях обскурантизма. Европейские народы, которые не способны найти рационального основания для того, чтобы не допустить наплыва бесчисленных потенциальных иммигрантов в собственные дома, вновь обращаются к своим прошлым национальным мифам. И американские левые с энтузиазмом воспринимают фашистские аргументы против современности и евроцентризма, считая их проявлением рационализма. Тем не менее вполне возможно, что Фукуяма приобщил практичных людей к необходимости философии именно теперь, когда идеология мертва или умирает, предоставив возможность тем, кто желает интерпретировать нашу наисовременнейшую ситуацию» (Bloom, 1989, p. 21).

Следует также отметить, что основные философские аргументы, опровергающие идею «конца истории» (которые Фукуяма тщательно обходил!), были представлены в давно ставшей классической работе Реймона Арона «Разоча-

рования в прогрессе». «Развитие глобальных обществ, — отмечал французский социолог, — не может приравниваться к прогрессу науки и технологии; хотя сам прогресс может ретроспективно казаться кумулятивным, фактически *он всегда оставался историей* (курсив мой. — В. Г.) в буквальном смысле этого слова... Научный и технический прогресс продолжает быть историческим во всех значениях этого термина... Он формирует ту комбинацию необходимости и случайности, которая, как представляется, характеризует все человеческие предприятия» (Aron, 1972, p. 299–300, 302; ср.: Fukuyama, 1992, p. 95). Это означает, что сама идея прогресса, изначально являясь «краеугольным камнем интеллектуального модернизма» (Nisbet, 1969, p. 104; ср.: Fuller, 2005; Fuller, 2015 *passim*) со свойственной ему тенденцией к саморефлексии, никак не может рассматриваться изолированно от тех ее исторических свойств, которые Р. Низбет именовал «ржавчиной прогресса». Этим термином он характеризует те «немощи человеческого состояния, причиной которых непосредственно является “прогресс”» (Nisbet, 1977, p. 115–116).

Прогностическая аналитика Ф. Фукуямы и разгоревшаяся вокруг нее глобальная дискуссия стали лишним доказательством старого латинского афоризма — *nil novi sub luna* («ничего нового не рождается под луной»), поскольку в наиболее существенных чертах они лишь воспроизводили в обновленном виде обозначенные выше старые споры, связанные с теориями «деидеологизации» и «нового индустриального общества». Новизна модификаций определялась прежде всего тем, что, как отмечал С. Фуллер, «третья четверть XX в. запомнится двумя тенденциями, которые оттеняли глубину выражения Элвина Гоулднера — “военизированное государство благоденствия” (*welfare-warfare state*): беспрецедентная экспансия возможностей для всеобщего разрушения в различных регионах мира, соответствующая беспрецедентному перераспределению политических и экономических ресурсов как внутри отдельных государств, так и в международном масштабе. В терминах *Realpolitik* эти две тенденции представляли собой альтернативные стратегии устрашения — угрозы и различные виды подкупа — в мире, в котором большие группы людей фундаментально не доверяли друг другу» (Fuller, 2006, p. 3). Но и в таких, достаточно узких рамках, определявших характер философских дискуссий, проблематика и само содержание понятия «прогресс» играли ключевую роль. В конечном итоге, как и в 1960-е годы, теоретические споры фактически ни к чему не привели, и одной из причин возникшей очередной «тупиковой ситуации» была, на наш взгляд, принципиальная неразрешимость ряда философских и методологических вопросов современной концепции прогресса. «Вера в идею прогресса, — отмечали в начале 1980-х годов редакторы сборника статей “Прогресс и его противники” — одной из наиболее интеллектуально значимых работ этого периода, — рухнула со своих высот. Будущие историки, возможно, будут писать, что, начиная с середины XX в. любому индивиду стало трудно сохранять веру в идею неизбежного и продолжающегося прогресса. В настоящее время люди по большей части используют это слово либо как цитатный штамп, либо с насмешливым сарказмом. Или же просто говорят не о прогрессе цивилизации, но о прогрессирующем варварстве. По мере того как господство Запада и его

уверенность в себе идут на убыль, идея прогресса также подходит к своему концу. Будет ли идея прогресса отброшена полностью в том виде, в котором мы ее знали?» (Progress and Its Discontents, 1982, p. XI).

В наши дни все обозначенные выше размышления американских ученых воспроизводятся вновь и вновь, и вряд ли возможно ожидать, что отношение к идее прогресса изменится в ближайшем будущем. Тем более важной представляется задача осмысления в философском и методологическом плане причин столь глубокого и длительного пессимизма.

В современном научном и философском дискурсах теоретическая концепция прогресса и само понятие «прогресс» принадлежат к числу наиболее сложных и дискуссионных. Даже в чисто методологическом плане к характеристикам споров, разворачивающихся вокруг данной категории, вполне применимы те суждения, которые были высказаны более десятилетия назад Р. Беллами и А. Мейсоном по поводу трудностей, связанных с формулированием и оценкой политических понятий: «Более старые тексты, посвященные политическим понятиям, стремились предлагать нейтральные определения, которые должны приниматься каждым, независимо от политических предпочтений и ценностей. К сожалению, эта задача оказалась гораздо более трудной, чем полагали ранее» (Political Concepts, 2003, p. 1).

Термин «прогресс» является латинским эквивалентом греческого существительного *proscōpe* (букв. «прорезание, прорыв вперед»), которое у основателя стоической философии Зенона из Кития (III в. до н. э.) обозначает бесконечную борьбу за самоусовершенствование (I, Fr. 234 [Arnim]). Хотя само существительное возникло в эллинистическую эпоху, глагол *proscōpein* использовался еще в исторической литературе V в., например, у Фукидида (Thuc. VII, 50; IV, 60; см. подробнее: Thucydides and Political Order, 2016). Цицерон переводит *proscōpein* как *procedere* (De finibus III, 14, 18) или *processum habere* (Cic. Brutus 272) (см. подробнее: Brill's Companion..., 2002; Tempest, 2011; Steel, 2001; Wood, 1991; Atkins, 2013; Fantham, 2004; Remer, 2017), но использует также инфинитив *progredi* и существительное *progressus*. В отличие от всех прежних античных метафор, подчеркивавших прибавление в знаниях, увеличение их размера в результате усилий, сделанных в прошлом, настоящем, и тех, которые еще предстоит совершить в будущем, новая метафора ориентировалась не только на преумножение того, что уже было достигнуто, но и на то, что находится впереди (см. подробнее: Meier, 1975, p. 353–363; Benois, 2008, p. 7–16; Dodds, 1957; Dodds, 1973; Edelstein, 1967; Koselleck, 1975; Koselleck, 2002, p. 220 sq.; Koselleck, 2004, p. 223; Kosellek, 1995; Kosellek, 2000; Kosellek, 2006; Nisbet, 1980; Wieland, 1975, S. 199–228; Гуторов, 2011, с. 189–206).

Античные теории, ассоциирующиеся с современной концепцией прогресса, во всяком случае, решительно опровергают довольно распространенное среди ученых и философов представление, согласно которому «прогресс первоначально был религиозной идеей» (Rethinking Progress, 1990, p. 1; ср.: Bury, 1920, p. 7, 64; см. также: Эрн, 1991, с. 197). Ведь уже в афоризме Ксенофана, одного

из основателей Элейской школы, считающемся самым первым свидетельством прогрессистского направления мысли в классический период — «Не сразу боги открыли все вещи людям с самого начала, но сами люди посредством собственного поиска обнаруживают с течением времени то, что является лучшим» (Fr. 18, Diels-Kranz) — светское начало выступает вполне рельефно. Ничего собственно религиозного не содержат в себе ни предложенный софистом Гипподамом из Милета закон, в соответствии с которым почести устанавливались каждому, придумавшему что-либо полезное для государства (Aristot. Pol., II, 1268a 6–8), ни утопическая версия идеи «жреческой технократии» Эвгемера, именем которого названа пронизанная рационалистическим началом знаменитая теория происхождения религии (см. подробнее: Гуторов, 1989, с. 126–139, 220–240; Winarczyk, 2013, р. 27–86, 103–105), ни «работа прогресса» (К. Михельшtedтер), проявляющаяся в латинских афоризмах типа *crescit eundo* (Lucr. 6, 340; см. также: Tosi, 2010, р. 47; Montarese, 2012; Sedley, 2004).

Собственно религиозная версия прогресса, оказавшая огромное влияние на европейскую культуру и социальную философию, впервые представлена в трудах Аврелия Августина, разработавшего своеобразную эсхатологическую версию «линейного прогресса», связь которой с прогрессистскими идеями нового времени была осознана и признана уже О. Контом¹. В раннем христианстве, отмечал он, можно найти «первый общий набросок концепции или, скорее, ощущение прогресса человечества», что стало свидетельством фундаментального превосходства «закона Христа над законом Моисея» и привело к формулированию «неизвестной дотоле идеи» (Comte, 1869, р. 231 sq.). Контовское толкование, явно недооценивающее влияние на ранних христианских апологетов мессианских идей древнееврейских пророков, тем не менее фиксировало внимание на принципиально новом по сравнению с античным пониманием истории моменте, выраженном, в частности, в убежденности Августина в том, что «Христос однажды умер за наши грехи... Он больше не умрет... и мы сами после воскресения будем навеки с Господом» (De civ. Dei, XII, 13).

Характерно, что уже сам Августин противопоставлял новое ощущение исторического времени циклическому восприятию времени языческой философией, когда утверждал, что с помощью нового учения «мы можем избежать я не знаю скольких ложных кругов, открытых фальшивыми и лживыми мудрецами» (De civ. Dei, XII, 13). Тем самым было положено начало бесконечной, продолжающейся до наших дней философской и научной дискуссии о правомерности противопоставления античного циклизма линейному историческому времени, открытому ранним христианством, которое и заложило основу современной концепции прогресса².

¹ О значении философии Августина для западной мысли см.: Nisbet, 1969, р. 105; Jaspers 1962; Jaspers, 1985; Rist, 2014, р. 1–16.

² Т. Е. Моммзен в статье «Св. Августин и христианская идея прогресса» отмечал, что ряд христианских мыслителей, например Ориген, сохраняли веру в цикличность истории и полемика Августина направлена и против Оригена, и против языческих философов (Mommssen, 1951, р. 354–355; ср.: Teske, 1996, р. 18–20, 38 sq.). Х. Арендт заподозрила в циклизме и само-

К Августину восходит и представление о том, что задачей «земного града» (в данном случае Римской империи) является поддержание законного порядка для создания наилучших условий индивидуального и коллективного спасения. С этой целью государство должно признать верховенство церкви, а его представителям с необходимостью следует осознать подчиненную роль законодательства и политики. В таком подходе Р.Козеллек справедливо усматривал вполне определенную прагматическую позицию идеологов ранней церкви. «Для набожных христиан, — отмечает он, — новый горизонт будущего открывался именно в ожидании божественного Иерусалима; при этом, однако, подразумевалось царство, которое может быть реализовано только после конца истории. В этом же мире они могли цепляться за прочность Рима или, скорее, Римской империи, особенно с того времени, как христианство стало имперской религией и в этом христиане могли усматривать определенный прогресс по сравнению со временем их преследования» (Kosellek, 2002, p. 223; см. подробнее: Markus, 2007, p. 81–104). Разделяя данную позицию, Г.А. Дин довольно категорично утверждает: «Если мы ограничим наше внимание только историей этого мира... мы не можем называть Августина убежденным сторонником (a believer) исторического прогресса. Фактически он разделяет представление ранней церкви о том, что грех, заблуждение и зло будут возрастать по мере того, как мир будет приближаться к своему концу» (Dean, 1963, p. 71; ср.: Markus, 2007, p. 10–11, 17–18; Kosellek, 2002, p. 223). Так или иначе, концепция исторического прогресса Августина располагается где-то между идеями таких христианских мыслителей-оптимистов, как Евсевий и Амвросий, веривших в наступление эры неуклонного прогрессивного развития (особенно после превращения христианства в официальную государственную религию), и традиционной античной концепцией исторических циклов, разработанной Платоном и Аристотелем³. Такой взгляд на историю и время, разумеется, весьма далек от современного понимания понятия «прогресс», которое, по выражению Р.Козеллека, было «специально откалибровано» для того, чтобы справляться с новыми видами опыта, и включало в себя «временной концепт перспективы» с акцентировкой на «трансперсональный субъект действия», обнаруживая себя «снова и снова на уровне языка общения и равным образом на уровне политического и научного языка» (Kosellek, 2002, p. 219; см. также: Andersen, 2003, p. 35 sq.).

Сформировавшаяся в Новое время концепция прогресса представляет собой «оценку как исторического процесса в целом, так и проявляющейся в нем доминирующей тенденции»; эта тенденция, «свойственная природе или человеку, проходит через ряд последовательных стадий развития в прошлом, настоящем и будущем, причем последующие стадии являются — возможно, со случайными задержками и небольшими попятными отступлениями — высшими

го Августина (Arendt, 1961, p. 65–66; ср. однако: Heidl, 2009, p. 167–169, 191–192; Vessey, 2012, p. 16–18; см. также: Bonner, 2007, p. 38–39; O'Donnell, 2005, p. 134, 285–286).

³ См. подробнее: O'Donnell, p. 304–306; Markus, 2007, p. 7–8; о специфике и противоречиях восприятия исторического времени Августином см.: Markus, 2000, p. 199–212; Dodaro, p. 94–113; см. также: Eder, 1990, p. 71–72; Dean, p. 275.

по отношению к более ранним» (Lovejoy, 1935, p. I, 6). Предполагая цель или, по крайней мере, общее направление развития, прогресс напрямую связан с ценностными суждениями, которые, в свою очередь, должны иметь вполне определенные критерии (Гуторов, 2017, с. 32–33).

Во всех теориях прогресса извечно присутствовал полемический момент. Так, для Ж. А. Кондорсе и О. Конта прогресс означал прежде всего поступательное развитие освобожденного от пут религии и старых феодальных традиций человечества. Именно на этом основании Конт отрицал саму возможность возникновения идеи прогресса в древности. Для него «истинная», или «научная», идея прогресса является производной от «позитивной философии», которая «одна может указать тот конечный предел, к которому человеческая природа будет вечно стремиться, никогда его не достигая». По мысли Конта, такая философия была невозможна до Французской революции, предопределившей «направление социального движения». До нее существовали «только рациональные идеи постоянного продвижения вперед» в связи с развитием «позитивных наук» в XVII в. (Comte, 1869, p. 229 sqq., 233 sqq.; ср.: Scharf, 1995, p. 98 sq.). Поворотным пунктом в развитии прогрессистских идей Конт считал знаменитый «спор Древних и Новых» (*Querelle des Anciens et des Modernes*), почти одновременно возникший в конце XVII в. в Италии, Франции и Англии, поскольку осознание того, что является древним и что — современным, составляет предварительное условие веры в прогресс, а именно такое осознание и было достигнуто в результате этого спора. Вот почему он «составляет зрелое событие в истории человеческого духа, который таким образом впервые заявил о необратимом продвижении вперед» (Comte, 1869, p. 234 sqq.).

Напротив, Д. Бьюри в своей ставшей чрезвычайно популярной книге «Идея прогресса» (1920), опровергая мысль Конта о том, что прогресс является «научной идеей», и обосновывая принцип, согласно которому уверенность в прогрессе является «актом веры» и поэтому не может быть истинной или ложной, все же полагал, что сам принцип прогресса выводится из системы научных фактов, накопление которых стало возможным только в эпоху Ренессанса, когда и возникает современная наука (Bury, 1920, p. 7, 64).

В конце XX в. диверсификация в оценках содержания понятия «прогресс» достигает апогея в связи с возрастающим ощущением противоположности содержащихся в нем альтернатив. Так, например, С. Новак, опираясь на работу Е. Едлицкого «Идея прогресса с точки зрения нашего времени», выделяет следующие альтернативы: 1. Прогресс — это великий миф, если мы трактуем его как исторический закон, как историческую необходимость во все времена и во всех культурах; 2. Прогресс — это утопия, если его рассматривать как «непогрешимый путь к тысячелетнему царству и некоему конечному состоянию объединенного человечества, свободного от бедности, страха, угнетения, борьбы и всех других драм человеческой судьбы»; 3. Прогресс — не миф и не утопия, если мы рассматриваем его как выбор между двумя целями и как задачу для творческого ума и человеческой деятельности, «осуществляющейся в той сфере человеческих возможностей, которые простираются между иллюзорными демиургическими чувствами всемогущества и отчаянием, причи-

няемым чувством бессилия перед лицом слепых сил истории» (Nowak, 1990, р. 230).

В целом можно отметить, что на протяжении последних двух столетий концепция прогресса постоянно колебалась между универсалистскими светскими импульсами, полученными от философов-энциклопедистов эпохи Просвещения и Французской революции, и квазирелигиозными тенденциями, характерными для прогрессистской идеологии в либеральной и социалистической традициях (см. подробнее: Toffler, 1980). В либеральной культуре «религия прогресса» достигла своего пика в Англии в середине XIX в. (Всемирная выставка в Лондоне 1851 г.) (см. подробнее: Doorman, 2003, р. 15–16), и период ее неуклонной деградации с временными перерывами продолжался вплоть до экономического кризиса 1974 г. В социалистической традиции массовая вера в прогресс длилась несколько дольше (по крайней мере, на уровне идеологической индоктринации) — от повального увлечения сен-симонизмом и другими направлениями утопического социализма в первой половине XIX в. до краха Советского Союза в 1991 г. «Точно так же, как девятнадцатый век закончился периодом *fin de siècle* с его мрачной задумчивой интроспекцией относительно возможностей прогресса, — отмечали в конце XX в. редакторы международного сборника, посвященного проблеме «переосмысления прогресса», — так случилось и с нашим собственным веком. Это определенно ни означает, что между этими двумя периодами «конца века» не было никакого прогресса, ни предполагает, что взгляды на мир и социальную теорию этих двух эпох были одинаковы» (Rethinking Progress, 1990, р. 1). Тем не менее общей для обоих веков и обеих обозначенных выше традиций социальной мысли и практики была вера во всеокрушающую мощь науки.

Поскольку начиная с эпохи модерна развитие науки действительно рассматривалось в качестве важнейшего критерия общественных трансформаций, анализ теорий научного прогресса позволяет в чисто методологическом плане более наглядно представить концептуальное единство, заложенное в самой идее прогрессивных изменений как в рамках всемирной истории человечества в целом, так и в любой из сфер человеческой деятельности. Политика в этом плане, разумеется, не является исключением.

Универсальность понятия «прогресс», отражающего все многообразие происходящих в мире трансформаций, играющих позитивную роль в развитии цивилизации, нередко ставится учеными под сомнение. Например, экономист М. Блауг категорически утверждает, что сам вопрос — «что есть прогресс или рост знания?», будучи органически «присущим» не только естественным, но и экономическим и социальным наукам, совершенно неприменим к сфере искусства. «Концепция прогресса, — утверждает он, — неприменима к литературе, музыке или изобразительным искусствам. Нет смысла в том, был ли Джеймс Джойс лучше Джеффри Чосера или является ли Барток улучшением Бетховена; они могут быть более изощренны в техническом отношении, но с эстетической точки зрения они не лучше и не хуже — они просто разные» (Blaug, 2002, р. 21). Такой подход, однако, категорически опровергается специалистами в области искусства (см., например: Doorman, 2003). Более

того, в опубликованной в 1985 г. работе «Структура артистических революций» Р.Клинье стремился не только парафразировать, но полностью применить именно в сфере искусства знаменитую концепцию научных революций, разработанную Т.Куном (см.: Clignet, 1985; Кун, 2003).

Определенная степень единства, достигнутого естественными и гуманитарными науками в подходе и понимании роли прогресса в различных сферах общественной жизни и практики, проявляется, в частности, и в том, что, наряду с такими общепринятыми категориями, как «духовный», «моральный» «интеллектуальный», «исторический», «социальный», «научный», «технологический» виды прогресса, повсеместно используются и более специфические его атрибуты, такие как «концептуальный», «теоретический», «дискурсивный» и др. (см. подробнее: Rorty and His Critics, 2000, p. 171, 233, 248, 376).

Таким образом, речь может идти не о том, уместно ли понятие «прогресс» в той или иной научной сфере, но, скорее, о том, в каких научных теориях оно выступает в более концептуальной роли и несет более основательную теоретическую «нагрузку». Разумеется, невозможно оспорить тезис, согласно которому концепция научного прогресса в наиболее концентрированном виде представлена в естественных и тех прикладных науках, которые определяют главные направления современного научно-технического прогресса. Тем не менее нельзя забывать и о том, что в обсуждении проблемы цивилизационной роли технического прогресса и современных технологий общественные науки, конечно, играют не последнюю роль, не говоря уже о том, что гуманитарная и философская составляющие современных дискуссий о прогрессе вполне органически представлены в таких фундаментальных естественно-научных дисциплинах, как физика, математика, биология и др. Например, в эволюционной биологии понятие «эволюционный прогресс», характеризующее природные механизмы трансформации видов, выглядит настолько укорененным, что нелегко обнаружить в его структуре оценочные моменты (см.: Nowak, 1990, p. 231). В современной географии тема прогресса уже давно является одной из наиболее приоритетных, способствующих постановке многих важных теоретических вопросов. «Связь между географией и прогрессом, — отмечает Р. Д. Сак, — является фундаментальной. Это становится ясным из старого определения географии как понимания — каким образом человеческие существа преобразуют мир и делают его обитаемым. Трансформация порождает изменение, и это немедленно поднимает вопросы о прогрессе» (Progress, 2002, p. VII; ср.: Kosellek, 2002, p. 234; Aitchison, 2002 *passim*).

Наиболее характерным свойством понятия «прогресс», благодаря которому оно может играть роль «объединительного» фактора в различных сферах социальной деятельности, включая современную науку, является его ценностно-нормативный характер. «Прогресс является нормативным, скорее, целеполагающим, чем чисто дескриптивным термином: сказать, что шаг от одной теории А к другой теории Б составляет прогресс, означает, что Б в определенном отношении является улучшением А. В этом смысле “прогресс” может составлять контраст таким нейтральным терминам, как “развитие”» (Niiniluoto, 1984, p. 75–76; ср.: Losee, 2004, p. 1; Backhouse, 2002, p. 117–119). Существенным элементом

этой концепции было обоснованное еще Ф. Бэконом и Р. Декартом представление, согласно которому научное знание возрастает кумулятивным способом, т. е. путем прибавления новых истин к общепринятым, имеющим определенную структуру результатам исследования. «Такой взгляд на прогресс как *аккумуляцию истин* подвергался эффективной критике многими философами и учеными с XVIII в. до наших дней, и теперь считается общепринятым, что он рисовал наивную и сверхпростую картину развития науки» (Niiniluoto, 1984, p. 77).

В XVIII в. Д. Хартли, Д. Пристли и Ж. Лесажа действительно подчеркивали, что научный метод, в сущности, является *самокорректирующимся*: он спонтанно и постепенно подводит научные теории все ближе к истине. Такой подход опирался на старую философскую традицию. Например, уже в XV в. Николай Кузанский, развивая свою теорию об «ученом невежестве», доказывал, что абсолютная истина о бесконечном мире (или Боге) находится вне пределов конечного интеллекта — понимание осуществляется в процессе элиминации и исправления негативных предположений, постепенно приближаясь к истине, определяемой впоследствии Ч. Пирсом как *предел исследования* (*limit of inquiry*). Сторонники такого подхода крайне скептически относились к самому предположению о том, «что наука является истинной или возможной и что она постоянно приближается к истине. Такие цели являются *утопическими* в том буквальном смысле, что мы никогда не можем знать, являются ли они достижимыми» (Niiniluoto, 1984, p. 79–80, 94).

Своеобразный итог данному направлению аргументации был подведен Л. Лауданом в работе «Прогресс и его проблемы»: отмечая, что «наука является, скорее, прогрессом в решении проблем, чем прогрессом в поиске истины», и, следовательно, научный прогресс может анализироваться без таких категорий, как «истина» и «подтверждение», он формулирует следующее определение прогресса: «...Прогресс может возникнуть тогда и только тогда, когда последовательность научных теорий в какой-либо области свидетельствует об увеличении уровня эффективности в решении проблемы» (Laudan, 1977, p. 7, 70, 22–26, 68). Данное определение потенциально объединяло в рамках научной концепции прогресса и теоретические исследования как таковые, и их воплощение в многообразных технологиях, обеспечивающих практическое применение достижений науки.

Понятие «технология» стало использоваться в современном смысле уже в XVII в., когда Френсис Бэкон обосновал идею о том, что научное знание может служить основой научного и социального прогресса. Эту идею развивали французские энциклопедисты, оптимизм которых основывался на следующих трех утверждениях:

- 1) использование правильного метода и рациональной организации научных исследований обеспечивает рост научного знания;
- 2) с его помощью жизнь людей обогащается новыми открытиями и возможностями, поскольку человеческие знания и техническая мощь соединяются в неразделимое целое;
- 3) новые, основанные на знаниях практические возможности позволяют устранить нужду и тяготы человеческой жизни.

Данная оптимистическая схема, обычно именуемая «бэконовской» по имени ее основателя, может быть представлена в следующей последовательности (Niiniluoto, 1984, p. 259)

В ее рамках интерпретация прогресса нередко определяется стремлением ученых примирить концепцию «дескриптивного прогресса», фиксирующую постепенный процесс накопления знаний об окружающем мире, с концепцией «теоретического прогресса», сторонники которой акцентируют внимание на противоречиях, связанных с переходом от проблемы чисто количественного накопления знаний к проблеме последовательности в развитии объяснительных теорий. Так, по мнению Крэйга Дилуэрта, анализ природы научного прогресса в плане изменений в области теории выявляет одну специфическую особенность, которая «состоит в соревновании или соперничестве между следующими друг за другом теориями в их попытках объяснять некоторые аспекты реальности. Мы подчеркиваем, что адекватный взгляд на научный прогресс должен включать в себя концепцию конфликта, который возникает в самой последовательности научных теорий» (Dilworth, 2007, p. 1). Т. Кун и К. Поппер полагают, что научный прогресс включает в себя два вида роста — инкорпорацию и революционный переворот (см.: Losee, 2004, p. 2, 88).

Вместе с тем, если Т. Кун вообще отрицательно относился к самому термину «теоретический прогресс», утверждая, что растет только список подлежащих объяснению феноменов, которые постоянно разрушаются и заменяются другими в результате прогрессирующих движений в науке (см.: Кун, 2003, с. 83)⁴, то К. Поппер обращал внимание и на следующую закономерность, которая, на наш взгляд, имеет принципиально важное значение и для адекватного понимания природы социального прогресса: «...Прогресс в науке, хотя он и является, скорее, революционным, чем кумулятивным, в определенном смысле, *всегда сохранял консервативный характер* (курсив мой. — В. Г.): новая теория, хотя и является революционной, всегда должна быть способна полностью объяснить успех своей предшественницы» (Popper, 1988, p. 88–89; см. также: Fuller, 2004, p. 12–20; Fuller, 2015, p. 130–168).

Западная гуманистическая традиция интерпретации роли науки и технологий распадается на два направления: 1. Философы эпохи Просвещения, А. де Сен-Симон, О. Конт, К. Маркс и многие другие рассматривали науку как великую прогрессивную силу в истории, освобождающую людей от религиозных и метафизических предрассудков, наделяя их новыми силами и орудиями реа-

⁴ Критические аргументы против позиции Т. Куна см.: Doorman, 2003, p. 65–66; см. также: Howthorn, 1994, p. 5.

лизации человеческого потенциала; 2. Философы-романтики критиковали науку, поскольку она бросала вызов их собственному, нередко иррациональному способу мышления. Они как бы предчувствовали, что наука может приносить человечеству вред. Еще в XIV в. поэт Франческо Петрарка поднимал вопрос о том, способствует ли познание природы человеческому счастью. Его голос отозвался громким эхом в ранних произведениях Ж.-Ж. Руссо, утверждавшего, что научный прогресс не способствует счастью и добродетельной жизни. В 1930-е годы Э. Гуссерль сетовал на то, что «европейские науки» находятся в кризисе, поскольку они потеряли свое «жизненное значение». Десятилетием раньше О. Шпенглер утверждал, что технология — главный фактор упадка западной цивилизации. Философы Франкфуртской школы (особенно Т. Адорно, М. Хоркхаймер и Г. Маркузе) в 1930–1960-е годы постоянно атаковали «технологический разум», способствующий формированию на Западе «одномерного общества». М. Хайдеггер также отмечал опасность технологий, вырабатывающих инструментальное отношение к природе (см.: Niiniluoto, 1984, p. 263; Eder, 1990, p. 77–78; Doorman, 2003, p. 26–27; Heidegger, 1977; Horkheimer, Adorno, 1971; Marcuse, 1964; Mumford, 1966; Mumford, 1967; Randall, 1940; Rescher, 1978; Rescher, 1980). И, наконец, Б. Рассел, как бы стремясь «примирить» две обозначенные выше традиции мысли, писал: «Если... научная цивилизация должна быть хорошей цивилизацией, необходимо, чтобы увеличение знания сопровождалось увеличением мудрости. Под мудростью я подразумеваю правильную концепцию целей жизни. Но как раз именно этого наука сама по себе обеспечить не в состоянии. Следовательно, рост науки не может сам по себе гарантировать чистый прогресс, хотя он и обеспечивает один из ингредиентов, в котором прогресс нуждается» (цит. по: Niiniluoto, 1984, p. 7).

Другим гарантирующим прогресс ингредиентом является культура. В современной научной литературе весьма устойчивым считается тезис, согласно которому «образы прошлого и возможность будущего, а равным образом и концепция путей развития, ведущих от прошлого к будущему, могут возникнуть только при условии стабильности и относительной интернализации культурной системы... Тема прогресса... неразделимо связана с темой культуры. Прогресс — синоним эволюции, развития, а не фрагментации, сегментации и растворения. Прогресс означает рождение новой культуры, в которой ценности трансформируются, приобретают новые формы, а не уничтожаются или становятся бессмысленными. Иными словами, прогресс — это процесс структурирования общества в его новых формах, изменения, которое производит культуру, а не изменения, которое ее разрушает» (Mongardini, 1990, p. 53–54).

Тем не менее, несмотря на то что на уровне высокой теории общий культурный смысл прогрессистского символа веры редко подвергается сомнению, реальное положение вещей в современном мире свидетельствует о явной тенденции именно к фрагментации концепции прогресса в современной западной культуре, иногда доходящей до полного обесмысливания, например, у теоретиков «трансгуманизма», откровенно утверждающих, что цель прогресса — уничтожение человеческого рода в его нынешнем состоянии. Ч. Т. Рубин в своей книге «Затмение человека» следующим образом резюми-

рует их «философское кредо»: «...Мы будем улучшать себя, становясь в чем-то новее и лучше. И, делая это, мы уничтожим то, чем мы являемся сейчас. Мы имеем эту возможность, потому что наука и технология дают нам способность контролировать человеческую эволюцию, превращая ее из естественного, основанного на случайности процесса в процесс, которым руководят наш собственный интеллект и воля» (Rubin, 2014, p. 1; см. также: Fuller, 2015, p. 16, 48, 51, 197, 209; Fuller, Lipinska, 2014, p. 80–135; Remedios, Dusek, 2018, p. 94–111, 131–137).

Трансгуманизм является лишь одним из современных примеров доведения «религии прогресса» до полного абсурда. Существенная причина такого рода тенденций скрывается в том, что «одна из наиболее важных проблем, с которыми сталкиваются общества почти во всех частях мира, — неадекватное сосуществование социальной справедливости с культурным многообразием» (Cultural Diversity, 1992, p. VIII; ср.: Rorty, 1998, p. 33–34). Буржуазная культура XVIII–XIX вв. стремилась соединить утилитарные и коммуникативные традиции «практического разума» под эгидой прогресса. Технологический и моральный прогресс представлялись двумя сторонами одной медали. Прогресс, реализуемый посредством науки и технологии, должен был стать средством освобождения общества от ограничений природы и тем самым продвигать вперед моральный прогресс. «Это оптимистическое ожидание культуры Просвещения основывалось на вере, согласно которой все, что бросает вызов традиционным формам верований, прежде всего наука и технология, тем самым способствует моральному прогрессу человечества» (Eder, 1990, p. 77; см. также: Adam Ferguson, 2008, p. 6; Adam Ferguson, 2009, p. 29, 80, 108–109, 143–145, 165–168).

Однако постепенно, по мере того, как социальные теоретики в XIX в. и начале XX в. стали осознавать негативные последствия модернизации, они стали более дифференцированно подходить и к самой концепции прогресса. Некоторые философы бросали вызов идее неизбежности морального прогресса, которая была столь очевидна идеологам Просвещения. К. Маркс был в этом плане одним из наиболее принципиальных критиков. Для более позднего периода очень характерен, прежде всего, мрачный, трагический пафос Ф. Ницше. Как отмечал Р. Козеллек, Ницше «испытал апоретическую структуру прогресса так же оригинально и провокационно, как и Руссо» (Koselleck, 2002, p. 233). Для него «прогресс» и «регресс» служат в качестве «диагностических» категорий: он одновременно «демаскирует» (разоблачает) их как исторические и перспективные иллюзии, имплантируемые в то, что вырождается, «когда желание умереть выдается за стремление к цели» (Koselleck, 2002, p. 233). Еще несколько десятилетий назад Ю. Хабермас, развивая идеи Маркса, предупреждал, что «классовые общества структурно неспособны удовлетворять потребность в легитимации, которую они сами порождают» (Habermas, 1979, p. 163). Критикуя «мистицизм» Вальтера Беньямина, рассматривавшего счастье как единственно важный критерий прогресса, Хабермас также отмечал: «Нет никаких сомнений в том, что прогрессивные явления имеют свои репрессивные стороны. Но именно здесь начинается политическое действие» (Habermas, 1983, p. 157; см.

также: Owen, 2002, p. 177–183). Он мог бы добавить, что «там, где начинается политическая деятельность, политическому романтизму приходит конец...» (Schmitt, 1986, p. 160).

В конечном итоге из разнообразных типов философской критики возникла следующая дилемма: моральный прогресс — это не то, что уже находится в руках, напротив — общество должно за него энергично бороться; делать это можно двумя способами — либо путем навязывания морали «сверху», либо при помощи призывов к моральному усовершенствованию «снизу». Сам Маркс занимал довольно амбивалентную позицию в данном вопросе. «Но какое бы решение ни предлагалось, — отмечает К. Эдер, резюмируя итоги такого рода критики, — прогресс, приписываемый развитию производительных сил, даже не ставился под вопрос. Господство над природой все еще должно было служить моделью социального прогресса» (Eder, 1990, p. 77).

Трудно решить, какая именно тенденция сыграла наибольшую роль в дискредитации идеи прогресса в XX в. — возрастание неравенства и несправедливости до глобальных масштабов или «мистицизм» интеллектуалов. Но не стоит забывать о том, что если к концу XIX в. идеи прогресса стали настолько «общим местом», что их просто перестали замечать (Doorman, 2003, p. 26; ср.: Koselleck, 2002, p. 230), то уже в начале XX в. эволюционистская концепция прогресса в духе Конта, Дарвина и Спенсера превратилась в объект насмешек. Например, в 1920 г. У. Липпман с откровенной иронией писал: «Эволюция сначала у самого Дарвина, а затем в более разработанном виде у Герберта Спенсера была “прогрессом к совершенству”. Стереотип, представленный такими словами, как “прогресс” и “совершенство”, был фундаментально составлен из механических изобретений... деревенский поселок станет большим метрополисом, скромное здание — небоскребом, что было маленьким — станет большим, что было медленным — станет быстрым, что было бедным — будет богатым, что состояло из небольшого числа — станет многим, [словом] все, что ни есть, будет больше настолько-то... Идеал смешивает превосходство — с размером, счастье — со скоростью, человеческую природу — с очередной выдумкой» (Lippman, 1997, p. 71–72; см. подробнее: Berman, 2005; Rethinking progress, 1990, p. 3). Раздражение образованных слоев общества вызывала даже не идея прогресса как таковая, но именно понимание того, что «догмы периодизации, сегментации или цикличности в истории, диалектические стадии, историческая судьба, постоянный прогресс или упадок являются только вариациями историко-философского мистицизма» (Doorman, 2003, p. 77).

Во второй половине XX в. та же судьба постигла понятие «модернизация», созданное в послевоенный период для описания мирового прогрессивного развития в духе классической прогрессистской модели модерна. Как отмечал Дж. С. Александер в работе «Значение социальной жизни», в США в 1960-е годы «теория модернизации умерла... потому, что появившееся более молодое поколение интеллектуалов не могло поверить в то, что она была истинной» (Alexander, 2003, p. 204). С одной стороны, факты свидетельствовали о том, что для такого рода скепсиса были все основания: в этот период такие вдумчивые и неангажированные аналитики, как М. Харрингтон, Б. Мур, С. Хантингтон,

отмечали, что рост бедности в странах «третьего мира», революции и войны, постоянно возникающие за пределами США и Западной Европы, распространение диктатур и авторитарных режимов в постколониальный период, сакрализация социальной жизни и «взрыв идеологий» явно противоречили оптимистической вере в модернизационную мощь науки, технократии и секуляризации (Alexander, 2003, p. 204–205; ср.: Rethinking progress, 1990, p. 1–2). С другой стороны, в общеисторическом плане в отмеченных выше негативных тенденциях социально-политического развития трудно было усмотреть что-либо принципиально новое. В свое время Р. Козеллек не случайно заметил, что тривиально защищать следующий тезис: где бы люди ни вовлекались в историю, опыт трансформации и изменения с древнейших времен обнаруживает свои лучшие и худшие стороны (Koselleck, 2002, p. 22, 234). В конце XX в. под это «тривиальное» соображение была подведена и соответствующая философская база. «Современные государства-нации (т. е. их экономические, политические и культурные системы), — пишет Р. Рорти, — лучше всего рассматривать как сложные, коллективные виды субъективности, которые отражают широкий спектр как гуманной, так и антигуманной форм активности, ценностей, идей, политики» (Rorty, 1998, p. 6).

Тем не менее именно опыт XX в., породивший две мировые войны, глобальные экономические кризисы и геноцид, диспропорции в развитии между достигшей изобилия небольшой группой государств и материальной нищетой огромных регионов, управленческую несостоятельность публичной сферы в демократическом, авторитарном и социалистическом вариантах и, наконец, окончательный крах социалистического эксперимента в СССР, способствовал тому, что «образ прогресса, который в эпоху модерна ассоциировался с идеей возрастающей безопасности и увеличения контроля над реальностью, трансформируется в свою точную противоположность» (Mongardini, 1990, p. 59; см. подробнее: Norgaard, 1994, p. 2 sq.). В этих условиях отказ от традиционных стереотипов мысли определялся в первую очередь тем, что в разработке современной концепции прогресса между наукой и философией чуть ли не впервые возникли серьезные разногласия. Ученым стало казаться, что создатели философских концепций прогресса намеренно искажали и упрощали реальность, постулируя идеи, заведомо противоречащие реальным фактам и сложным процессам эволюции обществ на различных этапах истории. «...Насколько мы знаем, — отмечает С. Новак, — многие вопросы и утверждения о прогрессе имеют дело с трансформациями обществ и человечества в прошлом. Мы можем даже сказать, что само понятие прогресса рождалось на основе дезинформирующих и упрощенных обобщений о нашей социальной истории и из неоправданных экстраполяций этих обобщений из нашего прошлого в наше будущее» (Nowak, 1990, p. 232).

Весьма недвусмысленными признаками, подтверждающими справедливость такого рода констатаций, являются, на наш взгляд, уже отмеченные выше тенденции к «субъективизации», «фрагментации» и «локализации» («регионализации») современной концепции прогресса. Если в XVIII и XIX вв. предпочтение отдавалось теории универсального и «вечного» прогресса, то вторая половина

XX в. засвидетельствовала совсем иную картину: счет пошел на ограниченные временем «эпохи», на десятилетия и годы. Например, с 1890-х годов, когда для западноевропейской культуры и социальной мысли доминантой становятся глубокий скепсис и разочарование в прогрессе, США вступают в эпоху «прогрессивизма», окончившуюся только с началом Великой депрессии 1929 г. (см.: Rethinking progress, 1990, p. 1–2; Nugent, 2010; Tichi, 2009; ср.: Rogers, 1998; Hackney, 2009; Hart, 2001; Rorty, 1992; Berman, 2005; Epstein, 2006; Unger, 1998, p. 229–235; Eyermann, 1990, p. 91–105). Но и до сих пор в определенном смысле в США «перфекционизм был и остается элементом демократической культуры» (Entrikin, 2002, p. 99), хотя, пережив «неоконсервативную реставрацию» в 1980-е годы, американская культура к началу XXI в. стала испытывать склонность накладывать табу на прогрессивизм в такой принципиально важной сфере, как образование (см. подробнее: Goodman, 2006, p. IX; Unger, West, 1998; Nisbet, 1997, p. 13–41, 127–155; ср.: Nisbet, 2017, p. 6, 266).

В самой Западной Европе после Второй мировой войны диверсификация представлений о прогрессе постепенно становится крайне калейдоскопической: например, в 1957 г. ощущение прогресса у британцев, «наслаждавшихся свободой и процветанием, а также беспрецедентным для прошлых эпох стремлением правящей элиты честно и пропорционально распределять плоды этого процветания», и его восприятие большинством испанцев, живших в условиях франкистской диктатуры, было диаметрально противоположным (Sanches, 2010, p. 1–2; ср.: Carr, 2014, p. 3–23).

Примерно аналогичной была ситуация и в других регионах мира. На рубеже XX–XXI вв. С. Хантингтон пытался ответить на вопрос — почему за 30 лет Гана и Южная Корея, имевшие в начале 1960-х годов схожие типы экономик, оказались в конечном итоге на разных полюсах экономического и политического развития (Culture Matters, 2000, p. XIV). В 1995 г., анализируя ситуацию, складывающуюся в странах Латинской Америки, с одной стороны, и странах Центральной и Восточной Европы — с другой, А. Пшеворский обозначил ее как «модернизация через интернационализацию». «Различные политические силы на капиталистическом Юге и посткоммунистическом Востоке, — отмечал он, — не видели никакой альтернативы, кроме как отправиться в “Северо-Западный Перелет”»: в путь, который привел бы их общества в Первый Мир, для одних — на Север, для других — на Запад. Это стратегия усвоения политической, экономической и культурной организации, уже существующей повсеместно: демократии, рынков и индивидуалистической, ориентированной на потребление культуры, которая доминирует в передовом капиталистическом мире. В этой стратегии модернизация становится синонимом интернационализации: интеграции в мировую экономику, соединенной с имитацией экономических, политических и культурных образцов, превалирующих в развитых капиталистических странах» (Przeworski, 1995, p. 3; см. также: Mongin, 2002, p. 145–172; Fukuyama, 2008). Но и спустя полтора десятка лет ученые продолжали спорить — можно ли, например, рассматривать первое десятилетие XXI в. как «декаду прогресса», исходя, например, из понижения уровня неравенства в 17 латиноамериканских странах (Inequality, 2010, p. VII–VIII).

Ответ на обозначенные выше тенденции и дилеммы в свое время на общесоциологическом уровне пытался дать Райнхарт Козеллек: «Прогресс современности, несмотря на его универсальные претензии, отражает только частичный самодостаточный опыт и вместо этого маскирует и затуманивает другие виды опыта по вполне понятным причинам. Очевидно, что имеются долгосрочные структуры, которые продолжают существовать в истории и пока вообще не затронуты даже индустриально детерминированным прогрессом» (Koselleck, 2002, p. 235).

Сегодня, как это ни парадоксально, эти долгосрочные структуры все сильнее продолжают влиять на восприятие прогресса в эпоху глобализации. «Теперь, — отмечает К. Эдер, — даже понятие технологического прогресса, т. е. тот аспект модернизации, который когда-то представлял собой его наиболее очевидное преимущество, вызывает культурное раздражение. Мы не можем более апеллировать к эмпирической базе идеи прогресса. С тех пор как стремление к моральной эволюции вызывает аналогичное раздражение, прогресс стал представляться фикцией. Теперь было бы легче вообще отказаться от прогресса как теоретически значимой категории и оставить его в качестве идеологической категории» (Eder, 1990, p. 78; ср.: Holton, 1990, p. 39–52).

Но особенно примечательной чертой современности является утрата концепцией прогресса изначально заложенного в ней утопического содержания. И горячая вера в прогресс, и постоянный скепсис и ирония, переходящие в полное его неприятие с момента рождения идеи прогрессивного развития, всегда в равной степени имели право на существование, поскольку они коренились в самой природе общества и государства, возникших в эпоху модерна. «Поскольку буржуазное общество было первым [обществом], охватившим весь земной шар, современный кризис ведет свое происхождение из преимущественно утопического самовосприятия истории — утопического, поскольку современный человек обречен быть дома везде и нигде... Восемнадцатый век засвидетельствовал развертывание буржуазного общества, которое рассматривало себя как новый мир, предъявлявший всеобъемлющие интеллектуальные претензии и одновременно обезглавивший старый мир. Он перерос территории европейских государств и, разрывая данное ограничение, развивал прогрессивную философию, которая шла в ногу с этим процессом. Предметом этой философии было все человечество, объединяемое от его европейского центра и мирно ведомое к лучшему будущему» (Koselleck, 1988, p. 5–6; ср.: Alexander, 2006, p. 71; Кассирер, 2004, с. 292). В XVIII в. доктрина «совершенства», игравшая в философии примерно ту же роль, которую первоначально играло понятие «истина» в европейской науке, предлагала «иерархически классифицируемую модель», воспринимаемую статически и пространственно: «... стремление к земному относительному совершенству было, так сказать, вневременным императивом. Была ли это утопия или политическая теория, моральная философия или теология, в этом плане они выполняли сравнимые задачи» (Koselleck, 2002, p. 89).

Утопический элемент концепции прогресса заключается и в том, что, независимо от неизбежных издержек реального прогресса, он наделяет своих при-

верженцев позитивными предчувствиями в отношении будущего, способствует преодолению опасений и страхов путем «переключения сознания на позитивные ожидания и расчеты» (Koselleck, 2000, S.205; ср: S. 131 sq.). Например, Т. Адорно в письме к В. Беньямину рассматривает девиз *chaque époque reve la suivante* («каждая эпоха мечтает о своей преемнице» (фр.). — В. Г.) как исходный момент «диалектического образа» коллективного сознания, содержащего идею развития представления о будущем как Утопии (см.: Ernst Bloch., 1980, p. 111; см. также: Wolin, 1994, p. 226–238).

Теперь же на смену прогрессистским утопиям приходит постмодернистская концепция истории, в которой тысячелетней утопической традиции практически не остается места. «Постмодернизм, — отмечает К. Монгардини, — становится последней идеологией, принимаемой модерном для того, чтобы спасти себя. Во всех культурных формах изменение более не служит модерну в качестве средства для достижения целей, стимулируемых идеями прогресса, но становится целью в себе. Следовательно, идеология и миф о прогрессе теряют смысл. Начинается период не-прогресса и не-истории, период “посткультуры”, где индивид... окружен настоящим, теряет “истину” и смысл истории и упускает из рук любые возможности контроля над реальностью... Постмодернистская идеология представляет модерн, занявший оборонительную позицию, модерн, отказавшийся от своих идеалов, даже от мифа о прогрессе... Если мы уберем идеал прогресса, постмодернистская история уподобляется дереву, которое не приносит плодов. Она теряет свою земную цель, не приобретая при этом более высоких целей. Будущее как расширение настоящего (Луман) — это просто ограда, “золотая клетка”, определяющая границы и заблуждения современно-го человека» (Mongardini, 1990, p. 56–57, 59, 60).

В условиях явного нарастания методологического кризиса, связанного с оценкой содержания и перспектив социального прогресса, приходится констатировать, что предлагаемые учеными и философами современные способы решения связанных с ним теоретических и практических проблем не только не производят впечатление связности, но нередко не отличаются и какой-либо принципиальной новизной в преодолении основной апории прогресса, сформулированной в ранних сочинениях Ж.-Ж. Руссо, создавшего, по выражению Р. Козеллека, «типологическую когнитивную модель», которая позволяет понять многие виды опыта и противоречий нашего времени (Koselleck, 2002, p. 232). «Именно прогресс, — отмечает он, — был в точности тем, что воспроизводит феномен упадка, который является его частью или компактным сегментом. И чем более насильственным становится прогресс — достаточно вспомнить атомную энергию и атомную бомбу, — тем большей является способность человека производить катастрофы... Донкихотская натура Руссо характеризует его как первого из тех, кто распознал апорию прогресса. Именно потому и поскольку прогресс не завершен, шансы возрастают: по общему признанию разрушение читается не в природной метафорике, но, скорее, в ощущении тех катастроф, которые человеческие существа способны навлечь на свои головы с ростом технологических возможностей, находящихся в их распоряжении...» (Koselleck, 2002, p. 232–233; ср.: Koselleck, 1982, p. 409–427; Кассирер, 2004,

с. 175–176, 178–179, 278, 295; Alexander, 1990, p. 15–38). С XVII в. постоянно воспроизводится одна и та же историческая парадигма: «Снова и снова отмечается, что мораль ковыляет позади технологии и ее развития. Гоббс взял это [утверждение] в качестве отправного пункта, когда он направил все свои усилия на нахождение правил даже для государства, которые были бы столь же определены, как геометрия. Кант принимает как исходную точку, что цивилизация уже дошла до неумеренности в своем развитии, в то время как люди в качестве моральных существ могут только уменьшать ее ход с величайшими усилиями, и что они должны делать это как можно быстрее, если они хотят приспособить мораль к статусу технического знания» (Koselleck, 2002, p. 235).

Однако, порождая упадок, прогресс одновременно демонстрирует и иное культурное свойство, благодаря которому способность людей к совершенствованию придает ему вид «темпорального компенсаторного концепта» (Koselleck, 2002, p. 232). Тем самым сама концепция прогресса, возможно, неожиданно для себя самой, обретает черты *защитного консервативного фактора* современной цивилизации. «Концепция прогресса, — отмечает Р. Козеллек, — инкорпорирует опыт нашей собственной современности: снова и снова прогресс производит непредвиденные инновации, которые нельзя сравнивать с чем-либо, используя опыт прошлого. Учет этого момента сам по себе становится элементом концепции прогресса в том плане, что она уже приобрела стабилизирующее, консервативное смысловое поле внутри современности. Вера в прогресс, всегда устремляющийся вперед, оказалась, так сказать, старомодной, не становясь при этом неоправданной» (Koselleck, 2002, p. 233).

Таким образом, в области социальной философии концепция прогресса демонстрирует то же, уже отмеченное выше, консервативное начало, которое было зафиксировано К. Поппером на уровне теории научного прогресса.

Наблюдения за характером аргументации специалистов в самых различных областях современной науки свидетельствуют, что данное начало уже давно интуитивно подмечено и подкрепляется все новыми и новыми доводами. Так, например, М. Фриден в своем исследовании «Либеральные языки» специально подчеркивает, что современный либерализм как философия, формулируя и защищая принципы, составляющие его сердцевину, — свободу, индивидуальность, прогресс, рациональность, заботу об общественном благе, ответственную и ограниченную власть, — «может быть понят как моделирующее средство, с помощью которого универсальные основополагающие правила формируются для справедливого и свободного общества, правила, которые, в частности, позволяют каждому индивиду честно и на равной основе стремиться к избранному [им] плану жизни» (Freedon, 2005, p. 28, 137). В социальной философии Ю. Хабермаса, для которой характерна своеобразная «диалектика» оптимизма и пессимизма, «травматический портрет» кризисного развития западной цивилизации сочетается с верой в стабилизирующее воздействие концепции «делиберативной демократии» (см.: Scheuerman, 2008, 69 sq., 124; ср.: Alexander, 2006, p. 71). Еще в 1980-е годы Н. Луман сформулировал следующие альтернативы концепции постепенного эволюционизма: 1. Утопический плюрализм проекций, создающий избыток «возможных будущих», ни одно из которых не

является непосредственно достижимым; 2. Альтернативой утопии являются краткосрочные способы управления кризисами, ориентированные на технические характеристики. «Привлекательность технократии в рамках такой краткосрочной перспективы заключается в том, что она дефутуризирует будущее» (Luhman, 1982, p.44).

По мнению ряда ученых, такого рода проекты одновременно преследуют несколько перспективных целей: а) преодолеть иллюзии относительно идеи самодвижущегося прогресса в современной науке; б) отбросить иллюзию однолинейного прогресса; в) отказаться от иллюзии модернизации европейского типа в качестве модели (Eder, 1990, p. 78). Такая «амбивалентность может быть лучше всего объяснена с помощью дифференцированной концепции прогресса, которая учитывает различные типы прогрессивного изменения, конституирующие социальную эволюцию» (Owen, 2002, p. 182).

Альтернативой таким подходам является предложение обосновать идею прогресса с помощью «постдевелопменталистских теорий» и новой концепции «самотрансформации». Для разработки этой концепции П. Штомпка, например, предлагает объединиться социальным теоретикам, социальным философам и историкам в исследовании проблем «морфогенеза», «структуриации», «реляционного структуризма», «самовоспроизводства общества» и «социетального самоуправления» (Sztompka, 1990, p. 247–263). Но, подобно тому, как «спор Древних и Новых», возникший в XVII столетии, был своеобразным историческим парафразом философских и политических споров V в. до н. э. между софистами и философскими ревнителями старых традиций, предлагаемые современными социологами и философами модели «самотрансформирующегося прогресса» оказываются лишь переведенным на социологический язык платоновским «припоминанием» тех аналогичных моделей научного прогресса, которые были разработаны в XVII–XVIII вв. с целью преодоления парадоксов и апорий, изначально свойственных как самому прогрессу, так и теоретической рефлексии о нем. Какой из современных теорий суждено восторжествовать — покажет ближайшее будущее.

Литература

Гуторов В.А. Античная социальная утопия. Вопросы истории и теории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 289 с.

Гуторов В.А. Политика: наука, философия, образование. СПб.: СПбГУ, Факультет политологии, 2011. 516 с.

Гуторов В.А. О некоторых тенденциях интерпретации концепции прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 32–43.

Кассирер Э. Философия Просвещения. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 399 с.

Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003. 605 с.

Эрн В.Ф. Идея катастрофического прогресса // Эрн В.Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 197–219.

Adam Ferguson: History, Progress and Human Nature / ed. by Eugene Heath and Vincenzo Merolle. London: Pickering & Chatto, 2008. 253 p.

Adam Ferguson: Philosophy, Politics and Society / ed. by Eugene Heath and Vincenzo Merolle. London: Pickering & Chatto, 2009. 247 p.

Aitchison J. Language Change: Progress or Decay? Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 312 p.

Alexander J. C. Between Progress and Apocalypse: Social Theory and the Dream of Reason in the Twentieth Century // Rethinking Progress. Movements, Forces and Ideas at the End of 20th Century / ed. by Jeffrey C. Alexander and Piotr Sztompka. Boston etc.: Unwin Hyman, 1990. P. 15–38.

Alexander J. C. The Meaning of Social Life. A Cultural Sociology. Oxford: Oxford University Press, 2003. 296 p.

Alexander J. C. The Civil Sphere. Oxford: Oxford University Press, 2006. 793 p.

Andersen N. A. Discursive Analytical Strategies. Understanding Foucault, Koselleck, Laclau, Luhman. Bristol: The Policy Press, 2003. 135 p.

Arendt H. Between Past and Future. Six Exercises in Political Thought. New York: The Viking Press, 1961. 246 p.

Aron R. Progress and Disillusion. The Dialectics of Modern Society. Hammondsouth: Penguin Books Ltd., 1972. 320 p.

Atkins J. W. Cicero on Politics and the Limits of Reason. The *Republic* and *Laws*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 270 p.

Backhouse R. E. On Progress and the History of Economic Thought // Is There Progress in Economics? Knowledge, Truth and the History of Economic Thought / ed. by Stephan Boehm, Christian Gehrke, Heinz D. Kurz, Richard Sturn. Cheltenham; Northampton MA: Edward Elgar, 2002. P. 117–122.

Benois A. de. A Brief History of the idea of Progress // The Occidental Quarterly. Spring 2008. Vol. 8, N 1. P. 7–16.

Berman R. Modernity and Progress. Fitzgerald, Hemingway, Orwell. Tuscaloosa: The University of Alabama Press, 2005. 123 p.

Blaug M. Is There Really Progress in Economics // Is There Progress in Economics? Knowledge, Truth and the History of Economic Thought / ed. by Stephan Boehm, Christian Gehrke, Heinz D. Kurz, Richard Sturn. Cheltenham; Northampton MA: Edward Elgar, 2002. P. 21–44.

Bloom A. Responses to Fukuyama // The National Interest. Summer, 1989. P. 19–21.

Bonner G. Freedom and Necessity. Augustine's Teaching on Divine Power and Human Freedom. Washington D.C.: The Catholic University of America Press, 2007. 143 p.

Brill's Companion to Cicero. Oratory and Rhetoric / ed. by James M. May. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002. 632 p.

Bury J. B. The Idea of Progress. An Inquiry into Its Origin. London: Macmillan & Co, Ltd, 1920. 377 p.

Carr R. One Nation Britain. History, the Progressive Tradition, and Practical Ideas for Today's Politicians. Farnham; Burlington: Ashgate, 2014. 169 p.

Comte A. Cours de philosophie positive. 3 ed. Paris: J. B. Ballière et Fils, 1869. T. IV. 749 p.

Clignet R. The Structure of Artistic Revolutions. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1985. 312 p.

Cultural Diversity and the Schools. Vol. 2: Prejudice, Polemic or Progress? / ed. by James Lynch, Celia Modgil and Sohan Modgil. London; Washington D.C.: The Falmer Press, 1992. 413 p.

Culture Matters. How Values Shape Human Progress / ed. by Lawrence E. Harrison and Samuel P. Huntington. New York: Basic Books, 2000. 348 p.

Dean H. A. The Political and Social Ideas of St. Augustine. New York; London: Columbia University Press, 1963. 356 p.

Dilworth C. Scientific Progress. A Study Concerning the Nature of the Relation between Successive Scientific Theories. Dordrecht: Springer, 2007. 289 p.

Dodaro R. Christ and the Just Society in the Thought of Augustine. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 253 p.

Dodds E. R. The Greeks and the Irrational. Boston: Beacon Press, 1957. 327 p.

Dodds E. R. The Ancient Concepts of Progress and Other Essays on Greek Literature and Belief. Oxford: Clarendon Press, 1973. 218 p.

- Doorman M.* Art in Progress. A Philosophical Response to the End of Avant-Garde. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2003. 181 p.
- Edelstein L.* The Idea of Progress in Classical Antiquity. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1967. 211 p.
- Eder K.* The Cultural Code of Modernity and the Problem of Nature. A Critique of the Naturalistic Notion of Progress // Rethinking Progress. Movements, Forces and Ideas at the End of 20th Century / ed. by Jeffrey C. Alexander and Piotr Sztompka. Boston etc.: Unwin Hyman, 1990. P.67–88.
- Elliott G.* Ends in Sight. Marx / Fykuyama / Hobsbawm / Anderson. London; Ann Arbor; Toronto: Pluto Press, 2008. 148 p.
- Elul J.* The Technological Society. New York: Vintage Book, 1964. 387 p.
- Enrikin J.N.* Perfectibility and Democratic Place-Making // Progress. Geographical Essays / ed. by Robert David Sack. Baltimore; London: The John Hopkins University Press, 2002. P.97–112.
- Epstein R. A.* How Progressivism Rewrote the Constitution. Washington, D. C.: The CATO Institute, 2006. 156 p.
- Ernst Bloch, Georg Lukacs, Bertold Brecht, Walter Benjamin, Theodor Adorno. Aesthetics and Politics. London: Verso, 1980. 220 p.
- Eyermann R.* Intellectuals and Progress: The Origins, Decline and Revival of a Critical Group // Rethinking Progress. Movements, Forces and Ideas at the End of 20th Century / ed. by Jeffrey C. Alexander and Piotr Sztompka. Boston etc.: Unwin Hyman, 1990. P.91–105.
- Fantham E.* The Roman World of Cicero's De Oratore. Oxford: Oxford University Press, 2004. 354 p.
- Freeden M.* Liberal Languages. Ideological Imaginations and Twentieth-Century Progressive Thought. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2005. 271 p.
- Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. New York; Toronto: The Free Press, 1992. 418 p.
- Fukuyama F.* Falling Behind: Explaining the Development Gap between Latin America and the United States. Oxford; New York: Oxford University Press, 2008. 312 p.
- Fuller S.* Kuhn vs. Popper. The Struggle for the Soul of Science. New York: Columbia University Press, 2004. 143 p.
- Fuller S.* The Intellectual. Cambridge: Icon Books Ltd., 2005. 184 p.
- Fuller S.* The New Sociological Imagination. London; Thousand Oaks; New Dehli: Sage Publications, 2006. 231 p.
- Fuller S.* Knowledge. The Philosophical Quest in History. London; New York: Routledge, 2015. 303 p.
- Fuller S., Lipinska V.* The Proactionary Imperative. A Foundation for Transhumanism. Houndmills; New York, 2014. 153 p.
- Goodman J.* Reforming Schools. Working within Progressive Tradition during Conservative Times. New York: State University of New York Press, 2006. 150 p.
- Habermas J.* Communication and the Evolution of Society / trans. Thomas McCarthy. Boston: Beacon Press, 1979. 239 p.
- Habermas J.* Walter Benjamin: Consciousness-Rising or Rescuing Critique // Habermas J. Philosophical-Political Profiles / trans. Frederick G. Lawrence. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1983. P.129–163.
- Hackney Sh.* Populism to Progressivism in Alabama. Tuscaloosa, Alabama: The University of Alabama Press, 2009. 390 p.
- Harrington M.* Socialism. New York: Saturday Review Press, 1972. 386 p.
- Harrington M.* The Twilight of Capitalism. London; Basing Stoke: The Macmillan Press Ltd., 1977. 446 p.
- Hart S.* Cultural Dilemmas of Progressive Politics. Styles of Engagement among Grassroots Activists. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2001. 292 p.
- Hawthorn G.* Enlightenment and Despair. A History of Social Theory. Second Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 312 p.
- Heidegger M.* Die Technik und die Kehre. Pfüllingen: Günther Neske, 1977. 47 S.

- Mongin Ph.* Is There Progress in Normative Economics? // Is There Progress in Economics? Knowledge, Truth and the History of Economic Thought / ed. by Stephan Boehm, Christian Gehrke, Heinz D. Kurz, Richard Sturtn. Cheltenham; Northampton, MA: Edward Elgar, 2002. P. 145–172.
- Montaese F.* Lucretius and His Sources. A Study of Lucretius' *De rerum natura*. I. 635–920. Berlin; Boston: De Gruyter, 2012. 314 p.
- Mumford L.* Technics and the Nature of Man // Technology and Culture. 1966. Vol. 7. P. 163–201.
- Mumford L.* The Myth of the Machine. Technics and Human Development. New York: Harcourt, Brace & World, Inc., 1967. 342 p.
- Niiniluoto I.* Is Science Progressive? Dordrecht: Springer-Science + Business Media, B.V., 1984. 272 p.
- Nisbet R. A.* Social Change and History. Aspects of the Western Theory of Development. New York: Oxford University Press, 1969. 335 p.
- Nisbet R. A.* Tradition and Revolt. Historical and Sociological Essays. New York: Vintage Books, 1970. 308 p.
- Nisbet R. A.* Sociology as an Art Form. London; Oxford: Oxford University Press, 1977. 145 p.
- Nisbet R. A.* History of the Idea of the Progress. New York: Basic Books, 1980. 370 p.
- Nisbet R. A.* The Degradation of the Academic Dogma. New Brunswick; London: Transaction Publishers, 1997. 252 p.
- Nisbet R. A.* The Sociological Tradition. London; New York: Routledge, 2017. 349 p.
- Norgaard R. B.* Development Betrayed. The End of Progress and a Coevolutionary Revisioning of the Future. London; New York: Routledge, 1994. 269 p.
- Nowak S.* Models of Directional Change and Human Values: The Theory of Progress as an Applied Social Science // Rethinking Progress. Movements, Forces and Ideas at the End of 20th Century / ed. by Jeffrey C. Alexander and Piotr Sztompka. Boston etc.: Unwin Hyman, 1990. P. 229–246.
- Novak M.* The Spirit of Democratic Capitalism. Lanham; New York: Madison Books, 1991. 460 p.
- Nugent W.* Progressivism. A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2010. 144 p.
- O'Donnell J. J.* Augustine. A New Biography. Toronto: HarperCollins Publishers Ltd., 2005. 396 p.
- Owen D. S.* Between Reason and History. Habermas and the Idea of Progress. Albany: State University of New York Press, 2002. 220 p.
- Political Concepts / ed. by Richard Bellamy and Andrew Mason. Manchester; New York: Manchester University Press, 2003. 245 p.
- Popper K.* The Rationality of Scientific Revolutions // Scientific Revolutions / ed. by Ian Hacking. Oxford: Oxford University Press, 1988. P. 78–106.
- Progress. Geographical Essays / ed. by Robert David Sack. Baltimore; London: The John Hopkins University Press, 2002. 140 p.
- Progress and Its Discontents / ed. by Gabriel Almond, Marvin Chodorov & Roy Harvey Pearce. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1982. 565 p.
- Przeworski A.* Sustainable Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 141 p.
- Randall J. H.* The Making of Modern Mind. Boston; New York: Houghton Mifflin Company, 1940. 696 p.
- Remedios F. X., Dusek V.* Knowing Humanity in the Social World. The Path of Steve Fuller's Social Epistemology. London: Palgrave Macmillan, 2018. 179 p.
- Remer G. A.* Ethics and the Orator. The Ciceronian Tradition of Political Morality. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2017. 291 p.
- Rescher N.* Scientific Progress. A Philosophical Essay on the Economics of Research in Natural Science. Oxford: Blackwell, 1978. 278 p.
- Rescher N.* Unpopular Essays on Technological Progress. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1980. 122 p.
- Rethinking Progress. Movements, Forces and Ideas at the End of 20th Century / ed. by Jeffrey C. Alexander and Piotr Sztompka. Boston etc.: Unwin Hyman, 1990. 268 p.

- Rist J. M. *Augustine Deformed. Love, Sin and Freedom in the Western Moral Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 420 p.
- Rodgers D. T. *Atlantic Crossings. Social Politics in a Progressive Age*. Cambridge, Massachusetts; London: The Belknap Press of Harvard University Press, 1998. 634 p.
- Rorty R. *For a More Banal Politics // Harper's May*. 1992. P. 16–21.
- Rorty R. *Achieving Our Country*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998. 159 p.
- Rorty and His Critics / ed. by Robert B. Brandom. Malden, Mass.; Oxford: Blackwell Publishers, 2000. 410 p.
- Rubin Ch. T. *Eclipse of Man. Human Extinction and the Meaning of Progress*. New York; London: New Atlantis Books, 2014. 215 p.
- Sanches A. C. *Fear and Progress. Ordinary Lives in Franco's Spain, 1939–1975*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. 279 p.
- Scharf R. C. *Comte after Positivism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 227 p.
- Scheuerman W. E. *Frankfurt School Perspectives on Globalization, Democracy, and the Law*. New York; London: Routledge, 2008. 212 p.
- Schmitt K. *Political Romanticism*. Cambridge, Mass.; London: The MIT Press, 1986. 168 p.
- Scientific Revolutions / ed. by Ian Hacking. Oxford: Oxford University Press, 1981. 180 p.
- Sedley D. *Lucretius and the Transformation of Greek Wisdom*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 234 p.
- Sorokin P. *The American Sex Revolution*. Boston, Massachusetts: Porter Sargent Publishers, 1956. 186 p.
- Sorokin P. A. *Social and Cultural Dynamics*. Boston: Porter Sargent Publishers, 1970. 718 p.
- Sorokin P. A. *The Ways and Power of Love. Types, Factors, and Techniques of Moral Transformation*. Philadelphia; London: Templeton Foundation Press, 1982. 552 p.
- Sorokin P. A. *The Crisis of Our Age*. Oxford: One World, 1992. 281 p.
- Sorokin P. *Russia and the United States*. New York: Routledge, 2017. 284 p.
- Steel K. E. W. *Cicero, Rhetoric, and Empire*. Oxford: Oxford University Press, 2001. 254 p.
- Stoicorum Veterum Fragmenta. Collegit Ioannes ab Arnim. Vol. I: Zeno et Zenonis Discipuli*. Stuttgart: B. G. Teubner Verlagsgesellschaft GmbH, 1964. 142 S.
- Sztompka P. *Agency and Progress: The Idea of Progress and Changing Theories of Change // Rethinking Progress. Movements, Forces and Ideas at the End of 20th Century / ed. by Jeffrey C. Alexander and Piotr Sztompka*. Boston etc.: Unwin Hyman, 1990. P. 247–263.
- Tempest K. *Cicero. Politics and Persuasion in Ancient Rome*. London; New York: Continuum, 2011. 256 p.
- Teske R. J. *Paradoxes of Time in Saint Augustine*. Milwaukee: Marquette University Press, 1996. 102 p.
- Thucydides and Political Order. Lessons of Governance and the History of the Peloponnesian War / ed. by Christian R. Thauer and Christian Wendt*. New York: Palgrave Macmillan, 2016. 194 p.
- Tichi P. *Civic Passions. Seven Who Launched Progressive America (and What They Teach Us)*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2009. 382 p.
- Toffler A. *The Third Wave*. New York: Morrow, 1980. 544 p.
- Tosi R. *Dictionnaire de sentences latines et grecques. 2286 sentences avec commentaires historiques, littéraires et philologiques / traduit de l'italien par Rebecca Lenoir*. Grenoble: Edition Jerome Millon, 2010. 1789 p.
- Unger R. M. *Democracy Realized. The Progressive Alternative*. London; New York: Verso, 1998. 309 p.
- Unger R. M., West C. *The Future of American Progressivism. An Initiative for Political and Economic Reform*. Boston: Beacon Press, 1998. 93 p.
- Vessey M. *The History of the Book: Augustine's City of God and Post-Roman Cultural Memory // Augustine's City of God. A Critical Guide / ed. by James Wetzel*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 14–32.
- Wieland W. *Entwicklung, Evolution // Geschichtliche Grundbegriffe / Hrsg. Von Otto Brunner, Werner Conze, Reinhard Koselleck. Bd. 2*. Stuttgart: E. Klett, 1975. S. 199–228.

Winarczyk M. *The Sacred History of Euhemerus of Messene* / trans. from Polish by Witold Zbirohowski-Koscia. Berlin; Boston: De Gruyter, 2013. 276 p.

Wolin R. Walter Benjamin. *An Aesthetic of Redemption*. Berkeley, Los Angeles; London: University of California Press, 1994. 316 p.

Wood N. *Cicero's Social and Political Thought*. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1991. 288 p.

Гуторов Владимир Александрович — д-р филос. наук, проф.; gut-50@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 5 июня 2018 г.;

рекомендована в печать: 18 сентября 2018 г.

Для цитирования: Гуторов В. А. Прогресс и политика: современные философские апории и дилеммы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2018. Т. 14, № 2. С. 190–225. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.201>

PROGRESS AND POLITICS: MODERN PHILOSOPHICAL APORIAS AND DILEMMAS

Vladimir A. Gutorov

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; gut-50@mail.ru

The article observes the key aspects of modern interpretations of the idea and theory of progress and their influence on the development of political theories and ideological discourses. The idea of progress has been frequently put into question in recent decades. This idea, formed in the modern era, has become an important part of historical process as a whole and of its dominant trends. Progress implies a value judgment. By the end of the twentieth century, the differences in the evaluations of the progress reached their peak due to the emerging sense of the opposing alternatives contained in historical development. The ambiguity of our time finds its expression in social and political theory, in the complicated discussion between philosophers and scholars, generated by both optimistic and pessimistic views on progress. Jürgen Habermas' diagnosis of legitimation crisis and his prognosis for a reconstructed rationality of communicative action is perhaps the most sophisticated synthesis of crisis theory and deliberative democracy. However, another cultural feature of progress is also important: the ability of people to improve endows it with a quality of "temporal compensatory concept" (R. Koselleck). Thus, the idea of progress becomes a protective conservative factor of modern civilization that is frequently reflected in both modern political theory (M. Freedon) and in philosophy of science (K. Popper).

Keywords: progress, politics, history, social theory, science, philosophy, historical development, modernization, political change, technology, communication, social action.

References

Aitchison J. *Language Change: Progress or Decay?* Cambridge, Cambridge University Press, 2002. 312 p.

Alexander J. C. *Between Progress and Apocalypse: Social Theory and the Dream of Reason in the Twentieth Century. Rethinking Progress. Movements, Forces and Ideas at the End of 20th Century*. Eds J. C. Alexander and P. Sztompka. Boston etc., Unwin Hyman, 1990, pp. 15–38.

Alexander J. C. *The Meaning of Social Life. A Cultural Sociology*. Oxford, Oxford University Press, 2003. 296 p.

Alexander J. C. *The Civil Sphere*. Oxford, Oxford University Press, 2006. 793 p.

Andersen N. A. *Discursive Analytical Strategies. Understanding Foucault, Koselleck, Laclau, Luhman*. Bristol, The Policy Press, 2003. 135 p.

Arendt H. *Between Past and Future. Six Exercises in Political Thought*. New York, The Viking Press, 1961. 246 p.

- Aron R. *Progress and Disillusion. The Dialectics of Modern Society*. Hammondsworth, Penguin Books Ltd., 1972. 320 p.
- Atkins J.W. *Cicero on Politics and the Limits of Reason. The Republic and Laws*. Cambridge, Cambridge University Press, 2013. 270 p.
- Backhouse R.E. On Progress and the History of Economic Thought. *Is There Progress in Economics? Knowledge, Truth and the History of Economic Thought*. Eds S. Boehm, C. Gehrke, H.D. Kurz, R. Sturn. Cheltenham, Northampton MA, Edward Elgar, 2002, pp. 117–122.
- Benois A. de. A Brief History of the idea of Progress. *The Occidental Quarterly*, 2008, vol. 8, no. 1, pp. 7–16.
- Berman R. *Modernity and Progress. Fitzgerald, Hemingway, Orwell*. Tuscaloosa, The University of Alabama Press, 2005. 123 p.
- Blaug M. Is There Really Progress in Economics. *Is There Progress in Economics? Knowledge, Truth and the History of Economic Thought*. Eds S. Boehm, C. Gehrke, H. D. Kurz, R. Sturn. Cheltenham, Northampton MA, Edward Elgar, 2002, pp. 21–44.
- Bloom A. Responses to Fukuyama. *The National Interest*. Summer, 1989, pp. 19–21.
- Bonner G. *Freedom and Necessity. Augustine's Teaching on Divine Power and Human Freedom*. Washington D.C., The Catholic University of America Press, 2007. 143 p.
- Brill's Companion to Cicero. Oratory and Rhetoric*. Ed. by James M. May. Leiden, Boston, Köln, Brill, 2002. 632 p.
- Bury J. B. *The Idea of Progress. An Inquiry into Its Origin*. London, Macmillan & Co, Ltd, 1920. 377 p.
- Carr R. *One Nation Britain. History, the Progressive Tradition, and Practical Ideas for Today's Politicians*. Farnham, Burlington, Ashgate, 2014. 169 p.
- Cassirer E. *Die Philosophie der Aufklärung [The Philosophy of Enlightenment]*. Tübingen, Mohr, 1932. 491 S. (Russ. ed. Kassirer E. *Filosofiiia Prosveshcheniia*. Moscow, ROSSPEN, 2004. 399 p.).
- Comte A. *Cours de philosophie positive*. 3 ed. Vol. 4. Paris, J. B. Ballière et Fils, 1869. 749 p.
- Clignet R. *The Structure of Artistic Revolutions*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1985. 312 p.
- Cultural Diversity and the Schools. Vol.2. Prejudice, Polemic or Progress?* Eds J. Lynch, C. Modgil and S. Modgil. London, Washington D.C., The Falmer Press, 1992. 413 p.
- Culture Matters. How Values Shape Human Progress*. Ed. by L. E. Harrison and S. P. Huntington. New York, Basic Books, 2000. 348 p.
- Dean H. A. *The Political and Social Ideas of St. Augustine*. New York, London, Columbia University Press, 1963. 356 p.
- Dilworth C. *Scientific Progress. A Study Concerning the Nature of the Relation between Successive Scientific Theories*. Dodrecht, Springer, 2007. 289 p.
- Dodaro R. *Christ and the Just Society in the Thought of Augustine*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004. 253 p.
- Dodds E. R. *The Greeks and the Irrational*. Boston, Beacon Press, 1957. 327 p.
- Dodds E. R. *The Ancient Concepts of Progress and Other Essays on Greek Literature and Belief*. Oxford, Clarendon Press, 1973. 218 p.
- Doorman M. *Art in Progress. A Philosophical Response to the End of Avant-Garde*. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2003. 181 p.
- Edelstein L. *The Idea of Progress in Classical Antiquity*. Baltimore, Johns Hopkins Press, 1967. 211 p.
- Eder K. The Cultural Code of Modernity and the Problem of Nature. A Critique of the Naturalistic Notion of Progress. *Rethinking Progress. Movements, Forces and Ideas at the End of 20th Century*. Eds J. C. Alexander and P. Sztompka. Boston etc., Unwin Hyman, 1990, pp. 67–88.
- Elliott G. *Ends in Sight. Marx / Fukuyama / Hobsbawm / Anderson*. London, Ann Arbor, Toronto, Pluto Press, 2008. 148 p.
- Ellul J. *The Technological Society*. New York, Vintage Book, 1964. 387 p.
- Entrikin J. N. Perfectibility and Democratic Place-Making. *Progress. Geographical Essays*. Ed. by R. D. Sack. Baltimore, London, The John Hopkins University Press, 2002, pp. 97–112.

- Epstein R. A. *How Progressivism Rewrote the Constitution*. Washington, D.C., The CATO Institute, 2006. 156 p.
- Ern V.F. Ideia katastroficheskogo progressa [The Idea of Catastrophic Progress]. Ern V.F. *Sochineniia* [Works]. Moscow, Pravda Publ., 1991, pp. 197–219. (In Russian)
- Ernst Bloch, Georg Lukacs, Bertold Brecht, Walter Benjamin, Theodor Adorno. *Aesthetics and Politics*. London, Verso, 1980. 220 p.
- Eyermann R. Intellectuals and Progress: The Origins, Decline and Revival of a Critical Group. *Rethinking Progress. Movements, Forces and Ideas at the End of 20th Century*. Eds J. C. Alexander and P. Sztompka. Boston etc., Unwin Hyman, 1990, pp. 91–105.
- Fantham E. *The Roman World of Cicero's De Oratore*. Oxford, Oxford University Press, 2004. 354 p.
- Ferguson A. *History, Progress and Human Nature*. Eds E. Heath and V. Merolle. London, Pickering & Chatto, 2008. 253 p.
- Ferguson A. *Philosophy, Politics and Society*. Eds E. Heath and V. Merolle. London, Pickering & Chatto, 2009. 247 p.
- Freeden M. *Liberal Languages. Ideological Imaginations and Twentieth-Century Progressive Thought*. Princeton, Oxford, Princeton University Press, 2005. 271 p.
- Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. New York, Toronto, The Free Press, 1992. 418 p.
- Fukuyama F. *Falling Behind: Explaining the Development Gap between Latin America and the United States*. Oxford, New York, Oxford University Press, 2008. 312 p.
- Fuller S. *Kuhn vs. Popper. The Struggle for the Soul of Science*. New York, Columbia University Press, 2004. 143 p.
- Fuller S. *The Intellectual*. Cambridge, Icon Books Ltd., 2005. 184 p.
- Fuller S. *The New Sociological Imagination*. London, Thousand Oaks, New Dehli, Sage Publications, 2006. 231 p.
- Fuller S. *Knowledge. The Philosophical Quest in History*. London, New York, Routledge, 2015. 303 p.
- Fuller S., Lipinska V. *The Proactionary Imperative. A Foundation for Transhumanism*. Houndmills, New York, 2014. 153 p.
- Goodman J. *Reforming Schools. Working within Progressive Tradition during Conservative Times*. New York, State University of New York Press, 2006. 150 p.
- Gutorov V.A. *Antichnaia sotsial'naia utopiia. Voprosy istorii i teorii* [The Ancient Social Utopias. The Questions of History and Theory]. Leningrad, Izdatel'stvo LGU, 1989. 289 p. (In Russian)
- Gutorov V.A. *Politika: nauka, filosofii, obrazovanie* [The Politics: Science, Philosophy, Education]. St. Petersburg, SPbGU, Faculty of Political Science, 2011. 516 p. (In Russian)
- Gutorov V.A. O nekotorykh tendentsiakh interpretatsii kontseptsii progressa v sovremennoi sotsial'noi teorii [About some trends of interpretation of the concept of progress in modern social theory]. *Voprosy filosofii*, 2017, no. 12, pp. 32–43. (In Russian)
- Habermas J. *Communication and the Evolution of Society*. Transl. by Thomas McCarthy. Boston, Beacon Press, 1979. 239 p.
- Habermas J. Walter Benjamin: Consciousness-Rising or Rescuing Critique. *Habermas J. Philosophical-Political Profiles*. Transl. F. G. Lawrence. Cambridge, Mass., MIT Press, 1983, pp. 129–163.
- Hackney Sh. *Populism to Progressivism in Alabama*. Tuscaloosa, Alabama, The University of Alabama Press, 2009. 390 p.
- Harrington M. *Socialism*. New York, Saturday Review Press, 1972. 386 p.
- Harrington M. *The Twilight of Capitalism*. London, Basing Stoke, The Macmillan Press Ltd., 1977. 446 p.
- Hart S. *Cultural Dilemmas of Progressive Politics. Styles of Engagement among Grassroots Activists*. Chicago, London, The University of Chicago Press, 2001. 292 p.
- Hawthorn G. *Enlightenment and Despair. A History of Social Theory. Second Edition*. Cambridge, Cambridge University Press, 1994. 312 p.
- Heidegger M. *Die Technik und die Kehre*. Pfüllingen, Günther Neske, 1977. 47 S.

- Heidl G. *The Influence of Origen on the Young Augustine. A Chapter of the History of Origenism*. New York, Gorgias Press, 2009. 328 p.
- Holton R. Problems of Crisis and Normalcy in the Contemporary World. *Rethinking Progress. Movements, Forces and Ideas at the End of 20th Century*. Ed. by Jeffrey C. Alexander and Piotr Sztompka. Boston etc., Unwin Hyman, 1990, pp. 39–52.
- Horkheimer M., Adorno Th.W. *Dialektik der Aufklärung. Philosophische Fragmente*. Frankfurt am Mein, S. Fischer Verlag GmbH, 1989. 386 S.
- Inequality in Latin America. A Decade of Progress?* Ed. by Luis F. Lopes-Calva and Nora Lustig. New York, United Nations Development Programme; Washington D. C., Brooking Institution Press, 2010. 253 p.
- Jaspers K. *Plato and Augustine*. Ed. by Hannah Arendt. Transl. by Ralph Manheim. New York, A Harvest Book, 1962. 126 p.
- Jaspers K. *Augustin. 2. Auflage*. München, Zürich, Piper, 1985. 138 S.
- Koselleck R. Fortschritt. *Geschichtliche Grundbegriffe*, Hrsg. Von Otto Brunner, Werner Conze, Reinhart Koselleck. Bd. 2. Stuttgart, E. Klett, 1975, S. 351–423.
- Koselleck R. Begriffsgeschichte and Social History. *Economy and Society*, 1982, vol. 11, no. 4, pp. 409–427.
- Koselleck R. *Critique and Crisis. Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society*. Cambridge, Massachusetts, The MIT Press, 1988. 204 p.
- Koselleck R. *Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlichen Zeiten. 3. Aufl.* Frankfurt am Mein, Suhrkamp, 1995. 389 S.
- Koselleck R. *Zeitschichten. Studien zur Historik*. Frankfurt am Mein, Suhrkamp, 2000. 399 S.
- Koselleck R. *The Practice of Conceptual History. Timing History, Spacing Concepts*. Stanford, California, Stanford University Press, 2002. 367 p.
- Koselleck R. *Future Past. On the Semantics of Historical Time*. New York, Columbia University Press, 2004. 317 p.
- Koselleck R. *Begriffsgeschichten. Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache*. Frankfurt am Mein, Suhrkamp, 2006. 569 S.
- Kuhn Th. S. *The structure of scientific revolutions*. Chicago, University of Chicago Press, 1962. 386 p. (Russ. ed.: Kun T. *Struktura nauchnykh revoliutsii*. Moscow, AST Publ., 2003. 605 p.).
- Laudan L. *Progress and Its Problems: Towards a Theory of Scientific Growth*. London, Routledge and Keagen Paul, 1977. 280 p.
- Lippmann W. *Public Opinion*. New York, Free Press, 1997. 358 p.
- Lipset S. M. *Political Man. The Social Bases of Politics*. Baltimore, Maryland, The Johns Hopkins University Press, 1981. 586 p.
- Losee J. *Theories of Scientific Progress. An Introduction*. New York, London, Routledge, 2004. 181 p.
- Lovejoy A. O., Boas G. *Primitivism and Related Ideas in Antiquity*. Baltimore, John Hopkins Press, 1935. 482 p.
- Luhman N. *The Differentiation of Society*. New York, Columbia University Press, 1982. 482 p.
- Marcuse H. *One-dimensional Man*. Boston, Beacon Press, 1964. 260 p.
- Markus R. A. 'Tempora christiana' Revisited. *Augustine and His Critics. Essays in Honour of Gerald Bonner*. Ed. by Robert Dodaro and George Lawless. London, New York, Routledge, 2000, pp. 199–212.
- Markus R. A. *Saeculum: History and Society in the Theology of St. Augustine*. Cambridge, Cambridge University Press, 2007. 254 p.
- Meier Chr. Fortschritt in der Antike. *Geschichtliche Grundbegriffe*. Hrsg. Von Otto Brunner, Werner Conze, Reinhard Koselleck. Bd. 2. Stuttgart, E. Klett, 1975, S. 353–363.
- Mommsen Th. E. St. Augustine and the Christian Idea of Progress. *Journal of the History of Ideas*, 1951, vol. XII, no. 3, pp. 354–374.
- Mongardini C. Decadence of Modernity: The Delusions of Progress and the Search for Historical Consciousness. *Rethinking Progress. Movements, Forces and Ideas at the End of 20th Century*. Eds J. C. Alexander and P. Sztompka. Boston etc., Unwin Hyman, 1990, pp. 53–66.

- Mongin Ph. Is There Progress in Normative Economics? *Is There Progress in Economics? Knowledge, Truth and the History of Economic Thought*. Eds S. Boehm, C. Gehrke, H. D. Kurz, R. Sturn. Cheltenham, Northampton MA, Edward Elgar, 2002, pp. 145–172.
- Montaese F. *Lucretius and His Sources. A Study of Lucretius' De rerum natura*. I. 635–920. Berlin, Boston, De Gruyter, 2012. 314 p.
- Mumford L. Technics and the Nature of Man. *Technology and Culture*, 1966, vol. 7, pp. 163–201.
- Mumford L. *The Myth of the Machine. Technics and Human Development*. New York, Harcourt, Brace & World, Inc., 1967. 342 p.
- Niiniluoto I. *Is Science Progressive?* Dordrecht, Springer-Science + Business Media, B.V., 1984. 272 p.
- Nisbet R. A. *Social Change and History. Aspects of the Western Theory of Development*. New York, Oxford University Press, 1969. 335 p.
- Nisbet R. A. *Tradition and Revolt. Historical and Sociological Essays*. New York, Vintage Books, 1970. 308 p.
- Nisbet R. A. *Sociology as an Art Form*. London, Oxford, Oxford University Press, 1977. 145 p.
- Nisbet R. A. *History of the Idea of the Progress*. New York, Basic Books, 1980. 370 p.
- Nisbet R. A. *The Degradation of the Academic Dogma*. New Brunswick, London, Transaction Publishers, 1997. 252 p.
- Nisbet R. A. *The Sociological Tradition*. London, New York, Routledge, 2017. 349 p.
- Norgaard R. B. *Development Betrayed. The End of Progress and a Coevolutionary Revisioning of the Future*. London, New York, Routledge, 1994. 269 p.
- Novak M. *The Spirit of Democratic Capitalism*. Lanham, New York, Madison Books, 1991. 460 p.
- Nowak S. Models of Directional Change and Human Values: The Theory of Progress as an Applied Social Science. *Rethinking Progress. Movements, Forces and Ideas at the End of 20th Century*. Eds J. C. Alexander and P. Sztompka. Boston etc., Unwin Hyman, 1990, pp. 229–246.
- Nugent W. *Progressivism. A Very Short Introduction*. Oxford, Oxford University Press, 2010. 144 p.
- O'Donnell J. J. *Augustine. A New Biography*. Toronto, HarperCollins Publishers Ltd., 2005. 396 p.
- Owen D. S. *Between Reason and History. Habermas and the Idea of Progress*. Albany, State University of New York Press, 2002. 220 p.
- Political Concepts*. Eds R. Bellamy and A. Mason. Manchester, New York, Manchester University Press, 2003. 245 p.
- Popper K. The Rationality of Scientific Revolutions. *Scientific Revolutions*. Ed. by I. Hacking. Oxford, Oxford University Press, 1988, pp. 78–106.
- Progress. Geographical Essays*. Ed. by R. D. Sack. Baltimore, London, The John Hopkins University Press, 2002. 140 p.
- Progress and Its Discontents*. Eds G. Almond, M. Chodorov & R. H. Pearce. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 1982. 565 p.
- Przeworski A. *Sustainable Democracy*. Cambridge, Cambridge University Press, 1995. 141 p.
- Randall J. H. *The Making of Modern Mind*. Boston, New York, Houghton Mifflin Company, 1940. 696 p.
- Remedios F. X., Dusek V. *Knowing Humanity in the Social World. The Path of Steve Fuller's Social Epistemology*. London, Palgrave Macmillan, 2018. 179 p.
- Remer G. A. *Ethics and the Orator. The Ciceronian Tradition of Political Morality*. Chicago, London, The University of Chicago Press, 2017. 291 p.
- Rescher N. *Scientific Progress. A Philosophical Essay on the Economics of Research in Natural Science*. Oxford, Blackwell, 1978. 278 p.
- Rescher N. *Unpopular Essays on Technological Progress*. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 1980. 122 p.
- Rethinking Progress. Movements, Forces and Ideas at the End of 20th Century*. Eds J. C. Alexander and P. Sztompka. Boston etc., Unwin Hyman, 1990. 268 p.
- Rist J. M. *Augustine Deformed. Love, Sin and Freedom in the Western Moral Tradition*. Cambridge, Cambridge University Press, 2014. 420 p.

- Rodgers D. T. *Atlantic Crossings. Social Politics in a Progressive Age*. Cambridge, Massachusetts, London, The Belknap Press of Harvard University Press, 1998. 634 p.
- Rorty R. For a More Banal Politics. *Harper's May*. 1992. P. 16–21.
- Rorty R. *Achieving Our Country*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1998. 159 p.
- Rorty and His Critics*. Ed. by R. B. Brandom. Malden, Mass., Oxford, Blackwell Publishers, 2000. 410 p.
- Rubin Ch. T. *Eclipse of Man. Human Extinction and the Meaning of Progress*. New York, London, New Atlantis Books, 2014. 215 p.
- Sanches A. C. *Fear and Progress. Ordinary Lives in Franco's Spain, 1939–1975*. Oxford, Wiley-Blackwell, 2010. 279 p.
- Scharf R. C. *Comte after Positivism*. Cambridge, Cambridge University Press, 1995. 227 p.
- Scheuerman W. E. *Frankfurt School Perspectives on Globalization, Democracy, and the Law*. New York, London, Routledge, 2008. 212 p.
- Schmitt K. *Political Romanticism*. Cambridge, Mass., London, The MIT Press, 1986. 168 p.
- Scientific Revolutions*. Ed. by I. Hacking. Oxford, Oxford University Press, 1981. 180 p.
- Sedley D. *Lucretius and the Transformation of Greek Wisdom*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004. 234 p.
- Sorokin P. *The American Sex Revolution*. Boston, Massachusetts, Porter Sargent Publishers, 1956. 186 p.
- Sorokin P. A. *Social and Cultural Dynamics*. Boston, Porter Sargent Publishers, 1970. 718 p.
- Sorokin P. A. *The Ways and Power of Love. Types, Factors, and Techniques of Moral Transformation*. Philadelphia, London, Templeton Foundation Press, 1982. 552 p.
- Sorokin P. A. *The Crisis of Our Age*. Oxford, One World, 1992. 281 p.
- Sorokin P. *Russia and the United States*. New York, Routledge, 2017. 284 p.
- Steel K. E. W. *Cicero, Rhetoric, and Empire*. Oxford, Oxford University Press, 2001. 254 p.
- Sztompka P. Agency and Progress: The Idea of Progress and Changing Theories of Change. *Rethinking Progress. Movements, Forces and Ideas at the End of 20th Century*. Ed. by Jeffrey C. Alexander and Piotr Sztompka. Boston etc., Unwin Hyman, 1990, pp. 247–263.
- Tempest K. *Cicero. Politics and Persuasion in Ancient Rome*. London, New York, Continuum, 2011. 256 p.
- Teske R. J. *Paradoxes of Time in Saint Augustine*. Milwaukee, Marquette University Press, 1996. 102 p.
- Thucydides and Political Order. Lessons of Governance and the History of the Peloponnesian War*. Eds C. R. Thauer and C. Wendt. New York, Palgrave Macmillan, 2016. 194 p.
- Tichi P. *Civic Passions. Seven Who Launched Progressive America (and What They Teach Us)*. Chapel Hill, The University of North Carolina Press, 2009. 382 p.
- Toffler A. *The Third Wave*. New York, Morrow, 1980. 544 p.
- Tosi R. *Dictionnaire de sentences latines et grecques. 2286 sentences avec commentaires historiques, littéraires et philologiques*, traduit de l'italien par Rebecca Lenoir. Grenoble, Edition Jerome Millon, 2010. 1789 p.
- Unger R. M., West C. *The Future of American Progressivism. An Initiative for Political and Economic Reform*. Boston, Beacon Press, 1998. 93 p.
- Unger R. M. *Democracy Realized. The Progressive Alternative*. London, New York, Verso, 1998. 309 p.
- Vessey M. The History of the Book: Augustine's *City of God* and Post-Roman Cultural Memory. *Augustine's City of God. A Critical Guide*. Ed. by James Wetzel. Cambridge, Cambridge University Press, 2012, pp. 14–32.
- Wieland W. Entwicklung, Evolution. *Geschichtliche Grundbegriffe*, Hrsg. Von Otto Brunner, Werner Conze, Reinhard Koselleck. Bd. 2. Stuttgart, E. Klett, 1975, S. 199–228.
- Winarczyk M. *The Sacred History of Euhemerus of Messene*. Transl. from Polish by Witold Zbirohowski-Koscia. Berlin, Boston, De Gruyter, 2013. 276 p.
- Wolin R. *Walter Benjamin. An Aesthetic of Redemption*. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 1994. 316 p.

Гуторов В.А. *Прогресс и политика: современные философские апории и дилеммы*

Wood N. *Cicero's Social and Political Thought*. Berkeley, Los Angeles, Oxford, University of California Press, 1991. 288 p.

Received: June 5, 2018

Accepted: September 18, 2018

For citation: Gutorov V.A. Progress and Politics: the Modern Philosophical Aporias and Dilemmas. *Political Expertise: POLITEX*, 2018, vol. 14, no. 2, pp. 190–225. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.201> (In Russian)